ВОЛЯ #22

ноябрь 2004

revolution.exe

7 ноября 2004, 87-я годовщина событий, вошедших в историю под именем Октябрьской революции, было в России, возможно, последним официальным праздничным днём. Дальше россиянам велено отмечать даты не революционные, а национал-патриотические. Занятно, что именно сейчас, в год отмены официальных торжеств по поводу 7 ноября, революция в России вновь появляется на повестке дня. Пока ещё только как гипотетическая возможность, которая обсуждается интеллектуалами и политиками в маленьких журналах и на не самых посещаемых сайтах. Но уже как ВОЗМОЖНОСТЬ, пусть всё ещё ГИПОТЕТИЧЕСКАЯ. Революцию снова стали принимать в расчёт. Это значит, что и анархистам самое время обсудить то, что обсуждают все остальные.

Что такое революция сегодня? Поможет ли она нам в осуществлении наших надежд? Можно ли, наконец, ПОДГОТОВИТЬ революцию и ПРОВЕСТИ её, как проводят МЕРОПРИЯТИЕ - неважно, детский утренник, панковский фестиваль, научно-практическую конференцию или захват укреплённого района? Является ли революция долгожданной премьерой, к которой готовятся самодеятельные революционные драмкружки и театральные труппы профессиональных революционеров по всему миру, или она является чем-то иным? Можно ли запустить революционный экзе-файл? На все эти вопросы не отвечает специальный "революционный" выпуск "Воли" - мы всего лишь их ставим. Ответит же на них, как всегда, история, то есть – совокупность всех живущих ныне людей в их (нашем!) прохождении через пространство и время.

Можешь даже не переворачивать страницу.

По-любому, как поётся в песне: "Революция рядом, революция здесь".

ред.

АНАРХИЗМ,
или РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ XXI ВЕКА

Становится всё яснее, что век революций не окончен. И становится так же ясно, что глобальное революционное движение 21-го века будет движением, ведущим свои истоки не от марксистской традиции, или детально описанного социализма, но от анархизма.

Везде - от Восточной Европы до Аргентины, от Сиэттла до Бомбея, анархистские идеи и принципы создают новые радикальные мечты и образы. Часто их сторонники не называют себя "анархистами". Существует масса других названий: автономизм, антиавторитаризм, горизонтальность, сапатизм, прямая демократия. Но везде можно обнаружить одни и те же базовые принципы: децентрализация, добровольное объединение, взаимопомощь, сетевая модель, и, прежде всего, - отрицание любой идеи, оправдывающей средства, отказ от идеи, что дело революционера - отобрать власть у государства и, затем, навязать свою точку зрения силой оружия.

Более того, анархизм как этика практики - как идея построения нового общества "в оболочке старого" - стал основным вдохновителем "движения движений" (к которому принадлежат авторы), которое с самого начала было нацелено не на захват государственной власти, а на разоблачение, делегитимизацию и разрушение механизмов управления, отвоёвывая и постоянно расширяя автономные пространства с совместным управлением.

Для привлекательности идей анархизма существуют некоторые очевидные причины. Наиболее очевидная: провалы и катастрофы, ставшие результатом многочисленных в XX веке попыток победить капитализм, захватив контроль над государственным аппаратом. Всё возрастающее число революционеров стали признавать, что "революция" не наступит как некий великий апокалиптический момент, как штурм некоего глобального эквивалента Зимнего Дворца, но является очень долгим процессом, продолжающимся большую часть человеческой истории (даже, если он, как многое, и начал недавно ускоряться), полным, как стратегиями полётов и уклонений, так и драматическими столкновениями, и который никогда не придёт к определённому завершению (более того, большинство анархистов чувствуют, "не должен" прийти).

Это слегка приводит в замешательство, но анархизм предлагает одно огромное утешение: нам не нужно ждать наступления времени "после революции", чтобы увидеть проблеск того, чем может быть истинная свобода. Как сформулировали великие пропагандисты современного американского анархизма, люди из коллектива Crimethinc: "Свобода существует только в момент революции. И эти моменты не так редки, как вы думаете". Для анархиста, фактически, попытаться создать неотчуждённый жизненный опыт, настоящую демократию - этический императив; только создание наших сегодняшних форм организации, является, по меньшей мере, грубым приближением к тому, как свободное общество будет действовать в реальности, как каждый однажды сможет жить, - только это может гарантировать, что мы не скатимся назад в несчастья. Жестокие безрадостные революционеры, приносящие в жертву все удовольствия ради цели, могут создать только жестокое безрадостное общество.

Изменения было сложно задокументировать, потому что уже давно анархистские идеи не привлекают внимания академической среды. По-прежнему существуют тысячи академических марксистов, но практически нет академических анархистов. Этот недостаток трудно объяснить. Частично, несомненно, это произошло потому, что марксизм всегда имел некую близость с академизмом, которого анархизму явно не хватало: марксизм был, кроме того, единственным великим социальным движением, которое было придумано доктором философии. Большинство вех истории анархизма указывают, что он был в основе своей схож с марксизмом: анархизм был представлен как плод размышлений нескольких мыслителей XIX века (Прудон, Бакунин, Кропоткин), который вдохновил рабочие организации, оказался вплетён в политическую борьбу, разбит на секты.

Анархизм в обычных источниках часто представляется как бедный родственник марксизма, немного неуклюжий, но составленный для страстных, искренних умов. Конечно, это приблизительная аналогия. "Основатели" анархизма не думали о себе, как о придумывающих что-то совершенно новое. Они считали эти базовые принципы - взаимопомощь, свободное объединение, эгалитарное принятие решений - такими же старыми, как человечество. То же самое – относительно отрицания государства и всех форм структурного насилия, неравенства или доминирования (анархизм буквально означает "без правителей") и даже предположения, что все эти формы так или иначе связаны и укрепляют друг друга. Ничто из этого не было новой блестящей концепцией, но давней тенденцией в истории человеческой мысли, которая не может быть заключена в какую-нибудь общую теорию или идеологию.

На одном уровне это разновидность судьбы: вера, что большинство форм безответственности, вроде бы делающие власть обязательной, фактически производятся этой властью. В практическом мы-

шлении это постоянное озадачивание вопросом, попытка идентифицировать каждые насильственные или иерархические отношения в человеческой жизни и подвергнуть их сомнению, и если они не могут оправдать себя - а они обычно избегают рассмотрения - попытаться ограничить их власть, и этим расширить границы человеческой свободы. Как суфий может сказать, что суфизм - это ядро истины, стоящее за всеми религиями, так анархист может утверждать, что анархизм - это стремление к свободе позади всех политических идеологий.

Школы марксизма всегда имеют основателей. Так же, как марксизм был рождён разумом Маркса, мы приобрели ленинистов, маоистов, альтюссерианцев (обратите внимание, как список начинается главами государств и, практически без перехода, нивелируется до французских профессоров - которые, в свою очередь, могут порождать свои собственные секты: лаканианцы, фукоисты...).

Школы анархизма, наоборот, почти без исключения возникают из какого-нибудь организационного принципа или формы практики: анархо-синдикалисты и анархо-коммунисты, инсурекционисты и платформисты, кооперативисты, консулисты, индивидуалисты и т.д.

Анархисты различаются по тому, что они делают, и как они самоорганизовываются, чтобы это делать. И, несомненно, это всегда было тем, за чем анархисты провели большую часть своих споров и размышлений. Их никогда особо не интересовали разнообразные общие стратегии или философские вопросы, поглощающие марксистов, вроде: "Крестьяне - это потенциально революционный класс?" (анархисты считают, что это решать самим крестьянам), или: "Какова природа формы товара?" Скорее, они больше склонны спорить о том, какой способ провести встречу наиболее демократичен, в какой точке организация перестаёт помогать людям и начинает подавлять индивидуальную свободу? Обязательно ли "лидерство" плохо? Или, об этике противостояния силе: что такое прямое действие? Должен ли кто-нибудь осуждать кого-то, кто убил главу государства? Когда можно швырнуть булыжник?

Марксизм, следовательно, склонен быть теоретическим или аналитическим дискурсом революционной стратегии. Анархизм склонен быть этическим дискурсом революционной практики. Как результат, когда марксизм производил блестящие теории практики, над самой практикой работали в основном анархисты. [1]

В настоящее время существует что-то вроде разлома между поколениями анархизма: между теми, чьё политическое формирование прошло в 60-е и 70-е, теми, кто часто так и не стряхнул сектантские традиции прошлого века, или просто всё ещё оперирует в тех терминах, и молодыми активистами, намного более информированными, среди прочего, о феминистических, экологических, аборигенных и культурно-критических идеях. "Старые", в основном, организованы в очень заметные Анархистские Федерации, такие как IWA, NEFAC или IWW (IWA - Международное товарищество рабочих, NEFAC - Северо-восточная федерация анархо-коммунистов (Северо-восточная – внутри США - прим. "Воли"), IWW – Индустриальные рабочие мира). "Новые" работают наиболее заметно в сетях глобального социального движения, вроде сети Peoples Global Action (Глобальное действие народов), объединяющей анархистские коллективы в Европе и повсюду с разнообразными группами, начиная от маорийских активистов из Новой Зеландии, объединения рыбаков из Индонезии или профсоюза канадских почтовых работников. [2] "Новых" сегодня намного больше. Но иногда трудно сказать наверняка, так как очень многие из них не трубят вовсю о своём родстве. Также есть многие люди, по сути, принимающие анархистские принципы антисектантства и неограничения так серьёзно, что отказываются по этой причине называть себя "анархистами". [3]

Но есть три основных элемента, присутствующие во всех проявлениях анархистской идеологии: антигосударственность, антикапитализм и префигуральная политика (т.е. образ действий организации, сознательно воспроизводящий мир, который она хочет создать). Или, как сформулировал анархистский историк революции в Испании, "попытка думать не просто об идеях, но о фактах будущего". [4] Это присутствует везде - от свободно играющих коллективов и до Индимедий, все из которых могут быть названы анархистскими в новом смысле. [5] В некоторых странах сосуществующие поколения соприкасаются очень ограниченно, в основном это принимает форму следования делам друг друга, но не более.

Одна из причин в том, что новое поколение намного более заинтересовано в развитии новых форм практики, чем в спорах о тонких моментах идеологии. Самым драматичным среди них было развитие новых форм процесса принятия решений, начал, как минимум, новой культуры демократии. Известные Северо-Американские советы (spokescouncils), где тысячи активистов координировали масштабные события консенсусом, без формальной лидерской структуры, - всего лишь самые зрелищные.

В действительности, назвать эти формы "новыми" - значит немного ввести в заблуждение. Одни из главных вдохновителей нового поколения анархистов, Сапатистские автономные муниципалитеты Чьапаса, основанные в целтал- или тоджолобал-говорящих общинах, использующих процесс принятия решений консенсусом тысячи лет, - только сейчас адаптированы революционерами, чтобы гарантировать женщинам и молодёжи равное со всеми право голоса. В Северной Америке "процесс консенсуса" возник, кроме всего прочего, благодаря феминистическому движению 70-х, как часть широкой негативной реакции против лидерства в стиле мачо, типичного для Новых Левых 60-х. Идея консенсуса сама по себе была взята у квакеров, которые, в свою очередь, были вдохновлены Шестью Нациями и другими практиками коренных американцев.

Консенсус часто не понимают. Часто можно услышать критику, что он приведёт к удушающему подчинению, но практически никогда её не услышишь от любого человека, в действительности наблюдавшего консенсус в действии, по меньшей мере, в виде направляемого тренированными, опытными носителями облегчающих функций (некоторые редкие эксперименты в Европе, где подобная традиция мала, получились грубыми). Фактически, операционное допущение заключается в том, что никто не может, и не должен в

действительности переубедить другого в своей правоте. Напротив, смысл процесса консенсуса в том, чтобы позволить группе выбрать общее направление действий. Вместо голосования за и против предложений, предложения вырабатываются и перерабатываются, тормозятся или переделываются, процесс компромисса и синтеза продолжается до тех пор, пока не останавливается на чём-то, устраивающем всех. Когда он выходит на финальную стадию, к самому "нахождению консенсуса", есть два уровня возможных возражений. Первый - это "стоять в стороне", говоря: "Мне это не нравится и я не буду в этом участвовать, но я не буду никого останавливать". Второй - "блокировать", имеющий эффект вето. Человек может блокировать только если чувствует, что предложение нарушает фундаментальные принципы или причины бытия группой. Можно сказать, что функция, которую конституция США отводит судам, - опротестовывать решения исполнительной власти, нарушающие конституционные принципы, - здесь отведена любому человеку, у которого есть смелость действительно противостоять объединённой воле группы (хотя, конечно, есть способы оспаривания беспринципных блокировок).

Можно бесконечно рассказывать о детально разработанных и удивительно утончённых методах, которые были созданы, чтобы обеспечить работу всего этого; о формах модифицированного консенсуса, требующихся каждой большой группе; о том, как консенсус сам по себе укрепляет принцип децентрализации, гарантируя, что никто без веской причины не захочет выносить предложения перед очень большой группой; о средствах гарантирования равенства полов и решения конфликтов... Суть в том, что эта форма прямой демократии очень отличается от того, что обычно ассоциируется с этим термином, или, раз уж на то пошло, от системы голосования большинством, обычно использовавшейся европейскими или северо-американскими анархистами ранних поколений, или по-прежнему использующейся в среднеклассовых городских аргентинских ассамблеях (однако, что показательно, не использующейся среди более радикальных пикетерос (piqueteros – пикетчиков), организованных безработных, стремящихся оперировать консенсусом). Со всё возрастающими интернациональными контактами между разными движениями, со включением групп и движений из Африки, Азии и Океании, имеющих радикально отличающиеся традиции, мы видим начало нового глобального переосмысления того, что вообще должна означать "демократия", далёкая настолько, насколько это возможно, от неолиберального парламентаризма, поддерживаемого существующими властями мира.

Повторяем, сложно понять этот новый дух синтеза, читая большинство существующей анархистской литературы, потому что те, кто тратит большую часть своей энергии на вопросы теории вместо выяснения форм практики, скорее всего, разделяют старую сектантскую дихотомную логику. Современный анархизм насыщен бесчисленными противоречиями. В то время как "новые" анархисты медленно внедряют идеи и практики, почёрпнутые у аборигенных союзников, в свои способы организации или в альтернативные сообщества, основным следом в письменной литературе стало появление секты примитивистов, пресловуто спорной команды, призывающей к полному сокрушению индустриальной цивилизации, и, в некоторых случаях, даже сельского хозяйства. [6] Сейчас это всего лишь вопрос времени, когда эта старая логика "или/или" даст дорогу чему-то, что было бы более похоже на практику групп, основанных на консенсусе.

Как будет выглядеть этот новый синтез? Некоторые его черты можно разглядеть в движении уже сейчас. Он будет основан на постоянно расширяющихся границах антиавторитаризма, уходя от классового редукционизма, пытаясь постичь "тотальность доминирования", то есть выделять не только государство, но и гендерные отношения, и не только экономику, но и культурные отношения и экологию, сексуальность, и свободу в каждой форме, где она может быть найдена, и не только через призму авторитарных отношений, но и под углом других, более насыщенных и разнообразных концепций.

Это наступление не призывает к бесконечной экспансии материального производства, или не занимается утверждениями, что технологии нейтральны, но оно также не отрицает технологии сами по себе. Напротив, оно становится близким к ним и применяет разнообразные технологии по мере надобности. Оно не только не отрицает сами по себе институты, или сами по себе политические формы, оно пытается дать начало новым институтам и новым политическим формам для активизма и нового общества, включая новые способы проведения встреч, новые способы принятия решений, новые способы координации, так же, как это однажды уже было, с воскрешёнными близкородственными группами (affinity groups) и структурой советов (spokes). И оно не только не осуждает реформы как таковые, но борется за определение и принятие не-реформистских реформ, внимательных к немедленным человеческим потребностям и улучшающих жизни людей здесь и сейчас, в то же время двигаясь вперёд к дальнейшим победам и, в конце концов, к полной трансформации. [7]

И, конечно, теория должна будет догнать практику. Чтобы быть полностью эффективным, современный анархизм должен будет включать в себя, по меньшей мере, три составляющие: активистов, организации и исследователей. Сейчас проблема заключается в том, что анархисты-интеллектуалы, желающие избавиться от старомодных авангардистских привычек – марксистской сектантской удавки, всё ещё преследующей многих из радикального интеллектуального мира, - не вполне уверены в том, какая у них должна быть роль. Анархизму нужно стать рефлексивным. Но как? На одном уровне ответ видится очевидным. Им не нужно читать лекции, диктовать, даже не обязательно думать о себе как об учителях, но необходимо слушать, исследовать и открывать. Разыскать и сделать явной невыраженную логику, уже присутствующую в новых формах радикальной практики. Служить активистам, предоставляя информацию, или разоблачать интересы доминирующей элиты, тщательно скрытые за предположительно объективными, авторитарными дискурсами, вместо того, чтобы пытаться навязать новую версию того же самого. Но, в то же время, большинство людей признаёт, что интеллектуальному сопротивлению нужно вновь подтвердить своё место. Многие начинают указывать, что одна из основных слабостей сегодняшнего анархи-

стского движения - это, при всем уважении к временам Кропоткина или Реклуса, или Герберта Рида, - именно забрасывание символизма, визионерства и наблюдательности эффективной теории. Как прийти от этнографии к утопистскому видению (в идеале, к такому числу утопистских видений, какое только возможно)? Врядли оказалось совпадением то, что некоторыми из величайших рекрутёров для анархизма в странах, подобных Соединённым Штатам, стали такие феминистические писательницы научной фантастики, как Звёздный Ястреб (Starhawk) или Урсула Ле Гуин. [8]

Начало было положено, когда анархисты начали перенимать опыт других социальных движений, с более развитой теоретической базой, идеями, пришедшими из кругов, близких к анархизму, и, несомненно, вдохновлённых анархизмом. К примеру, давайте возьмём идею совместной экономики или экономики участия (participatory economy), превосходно представляющей анархистское видение, которая дополняет и исправляет анархистскую экономическую традицию. Теоретики экономики участия доказывают существование не двух, а трёх основных классов при развитом капитализме: не только пролетариат и буржуазия, но и класс "координаторов", чья роль заключается в управлении трудом рабочего класса и контроле этого труда. Это класс, включающий в себя иерархию менеджеров, профессиональных консультантов и советников, близких к центру системы контроля, таких, как адвокаты, главные инженеры, главные бухгалтеры и т.д. Они удерживают свою классовую позицию благодаря своей относительной монополии на знания, навыки и связи. Как результат, экономисты и другие, работающие в этой традиции, пытались создать модели экономики, которые систематически уничтожат разделение между физическим и интеллектуальным трудом. Поскольку теперь анархизм, безусловно, стал центром революционной креативности, сторонники таких моделей, если не сплотились вокруг его флага, то, по меньшей мере, акцентировали степень сходства своих идей с анархизмом. [9]

Похожие вещи начали происходить с развитием анархистских политических воззрений. Сейчас это область, в которой классический анархизм уже одержал верх над классическим марксизмом, никогда не разрабатывавшим теорию политической организации. Даже несмотря на то, что разные школы анархизма часто защищали очень специфические формы социальной организации, весьма отличавшиеся друг от друга. Но, по-прежнему, анархизм в целом склоняется к тому, что либералы называют "негативной свободой", "свободой от", в отличие от существующей "свободы к". Эти взгляды сами по себе часто отмечаются как свидетельство плюрализма, идеологической толерантности или креативности анархизма. Но как результат, присутствует нежелание продвигаться дальше развития ограниченных организационных форм, и вера в то, что бОльшие, более сложные структуры могут быть созданы экспромтом позже, в том же самом духе.

Но были исключения. Пьер Жозеф Прудон пытался представить целостную картину функционирования либертарного общества. [10] В целом это было признано ошибкой, но он наметил путь для других, более детальных картин, как, например, "либертарный муниципализм" Северо-Американских социальных экологов. Сейчас они развиваются в ходе оживлённых дискуссий, например, "как сбалансировать принципы рабочего контроля, на которые делают упор сторонники экономики участия и прямую демократию, которой придают большое значение социальные экологи?". [11]

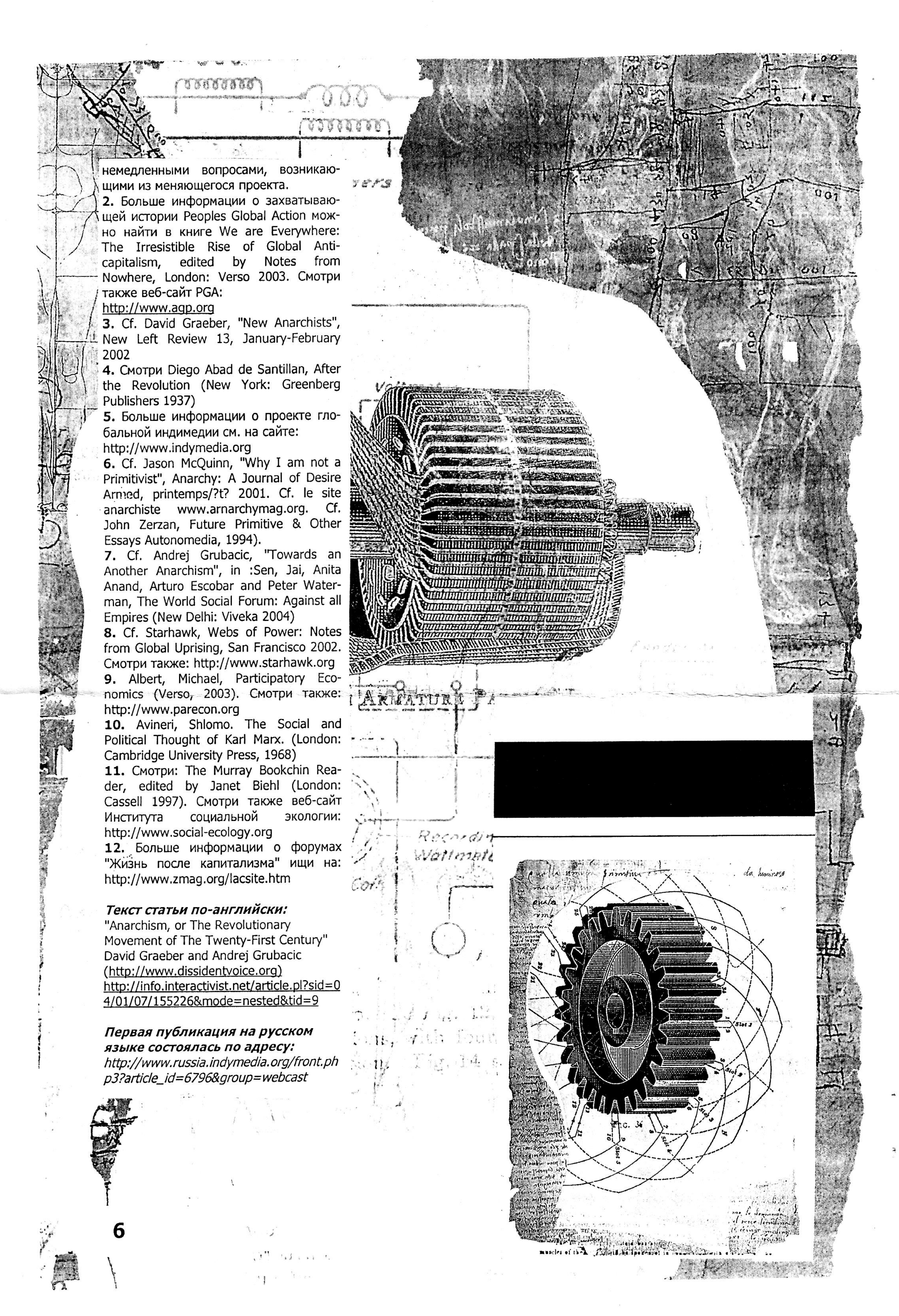
Всё ещё существует множество деталей, которые нужно разработать: какие конкретные позитивные институциональные альтернативы анархисты могут предложить вместо современных законодательных органов, судов, полиции и разнообразных исполнительных органов? Как предложить политическое видение, осуществляющее законотворчество, исполнение, суд, правоприменение, и показывающее, как каждый из перечисленных пунктов будет эффективно воплощён неавторитарным образом - не только предложить долгосрочную надежду, но создавать немедленные ответы сегодняшней электоральной, законодательной, исполнительной и судебной системам, а следовательно, множество стратегических выборов. Понятно, что по этому поводу не может существовать линия партии анархистов. "Новые" анархисты в основном склоняются к тому, что нам понадобится множество определённых видений. В настоящее время между действующими социальными экспериментами в расширяющихся самоуправляемых сообществах в некоторых странах, как, скажем, в Чьапасе и Аргентине, и такими анархистскими исследователями/активистами, как недавно образованная Planetary Alternatives Network (Сеть планетарных альтернатив) или форумы Life After Capitalism (Жизнь после капитализма) началась работа по нахождению и сбору успешных примеров экономических и политических форм. [12] Это, безусловно, долгосрочный процесс. Но ведь век анархизма только начался.

Дэвид ГРЕБЕР
и Андрей ГРУБАЧИЧ

[Дэвид Грэбер (David Graeber), доцент Йельского Университета (США) и политический активист. Андрей Грубачич (Andrej Grubacic), историк и социальный критик из Югославии. Оба участвуют в Planetary Alternatives Network (PAN). Эта статья впервые появилась в ZNET.]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это не означает, что анархисты против теории. Им не нужна Высокая Теория в обычном смысле. Точнее, им не нужна единая Анархистская Высокая Теория. Это совершенно противоречило бы их духу. Думаем, намного лучше будет что-то в духе анархистского процесса принятия решений: применительно к теории это должно означать принятие потребности в многообразии высокотеоретических перспектив, объединённых лишь некоторыми определёнными общими взглядами и пониманием. Вместо того, чтобы основываться на стремлении доказать чужую ошибку в фундаментальном допущении, они ищут конкретные проекты, которые укрепят друг друга. Только лишь то, что теории несопоставимы в некоторых отношениях, не означает, что они не могут существовать или даже усиливать друг друга; всего лишь тот факт, что личности обладают уникальными и несопоставимыми взглядами на мир, не означает, что они не могут стать друзьями или любовниками, или работать над общими проектами. Даже больше, чем Высокая Теория, анархизму нужно то, что можно назвать "низкая теория": способ работы с теми настоящими,

немедленными вопросами, возникающими из меняющегося проекта.

2. Больше информации о захватывающей истории Peoples Global Action можно найти в книге We are Everywhere: The Irresistible Rise of Global Anticapitalism, edited by Notes from Nowhere, London: Verso 2003. Смотри также веб-сайт PGA: http://www.agp.org

3. Cf. David Graeber, "New Anarchists", New Left Review 13, January-February 2002

4. Смотри Diego Abad de Santillan, After the Revolution (New York: Greenberg Publishers 1937)

5. Больше информации о проекте глобальной индимедии см. на сайте: http://www.indymedia.org

6. Cf. Jason McQuinn, "Why I am not a Primitivist", Anarchy: A Journal of Desire Armed, printemps/?t? 2001. Cf. le site anarchiste www.arnarchymag.org. Cf. John Zerzan, Future Primitive & Other Essays Autonomedia, 1994).

7. Cf. Andrej Grubacic, "Towards an Another Anarchism", in :Sen, Jai, Anita Anand, Arturo Escobar and Peter Waterman, The World Social Forum: Against all Empires (New Delhi: Viveka 2004)

8. Cf. Starhawk, Webs of Power: Notes from Global Uprising, San Francisco 2002. Смотри также: http://www.starhawk.org

9. Albert, Michael, Participatory Economics (Verso, 2003). Смотри также: http://www.parecon.org

10. Avineri, Shlomo. The Social and Political Thought of Karl Marx. (London: Cambridge University Press, 1968)

11. Смотри: The Murray Bookchin Reader, edited by Janet Biehl (London: Cassell 1997). Смотри также веб-сайт Института социальной экологии: http://www.social-ecology.org

12. Больше информации о форумах "Жизнь после капитализма" ищи на: http://www.zmag.org/lacsite.htm

Текст статьи по-английски:
"Anarchism, or The Revolutionary Movement of The Twenty-First Century"
David Graeber and Andrej Grubacic
(http://www.dissidentvoice.org)
http://info.interactivist.net/article.pl?sid=04/01/07/155226&mode=nested&tid=9

Первая публикация на русском языке состоялась по адресу:
http://www.russia.indymedia.org/front.php3?article_id=6796&group=webcast

РЕВОЛЮЦИЯ-1968: ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XX ВЕКА

Не будем лукавить - никто из нас толком не понимает 68-й, зато все мы живём в его последствиях. Всё, что нас окружает - общественная, культурная и политическая реальность, нормы сексуального поведения, массовые стереотипы, религиозные и квазирелигиозные верования, представления об успехе в жизни, да что ни возьми, даже такая, казалось бы, посторонняя штука, как реклама - всё это подверглось тотальной атаке в конце 60-х, тотальному слому и тотальному отстраиванию заново.

В 1968-м году на планете случился общественный катаклизм, с точным определением которого историки до сих пор "не спешат". Может быть тогда произошла мировая социальная революция. Может быть - революция культурная. Может быть, то была "всего лишь" революционная ситуация - но ситуация, основательно потрясшая основы миропорядка. Для краткости будем говорить просто - "68-й".

Накануне 68-го мир выглядел совсем по-другому, нежели мы привыкли теперь. Образование даже в развитых западных странах оставалось классовой привилегией: доступ в стены университетов для детей малообеспеченных родителей был почти закрыт. Учебные программы были архаичны и далеки от жизни. В университетах - и в большом мире тоже! - царила ханжеская мораль, само понятие сексуальности находилось вне сферы обсуждения, было табуированным, запретным. Церковь оставалась главным моральным авторитетом, во всяком случае, на уровне семьи и семейного воспитания. У власти во многих странах находились открыто реакционные диктатуры (как в Испании, Португалии и Греции), либо реакционеры - вплоть до бывших фашистов, - составляли существенную и часто лидирующую прослойку чиновничества и политиков в странах, формально демократических (как в Германии). Сам дух, царивший в обществе, был тяжёлым, тлетворным и каким-то безнадёжным... Ну, вы знаете, - примерно как в России после "Норд-Оста". Только европейская и североамериканская молодёжь не могла уже больше терпеть. Ей хотелось дышать - и она взорвала тесный мирок, приготовленный для неё родителями и пригодный только для того, чтобы гнить заживо.

ЧЕМ МОЖЕТ ЗАКОНЧИТЬСЯ СЛИШКОМ ГЛУБОКИЙ СОН

События 68-го наибольший размах и наибольшее символическое значение приобрели в Париже (хотя митинги, демонстрации, забастовки, захваты университетов и заводов происходили не только по всей Европе, но и по всему миру).

Гром раздался, практически, посреди ясного неба. За несколько недель до начала событий в печати появился социологический анализ под названием: "Франция спит". В этой вроде бы сонной обстановке группа леваков нападает на парижское представительство компании "Американ Экспресс" - в знак протеста против войны, которую вели США во Вьетнаме. Шестеро нападавших арестованы. Через два дня, 22 марта 1968 года, в Нантере, пригороде Парижа, студенты захватывают здание университетской администрации, формально для того, чтобы потребовать освобождения арестованных. Но дело этим не ограничивается: во время бурного митинга выдвигаются всё новые и новые требования. Обстановка наэлектризована по разным причинам. Скажем, ровно накануне, 21 марта, студенты в Нантере отказались сдавать экзамен по психологии - в знак протеста против чудовищной примитивности читавшегося им курса. Для координации действий здесь же, немедленно, создаётся анархистское "Движение 22 марта", сыгравшее немалую роль в дальнейшем наращивании протестов.

Собственно, события в Нантере оказались спусковым крючком, только власти ещё не знали этого и потому ответили привычно: жестокими репрессиями. По мере того, как "Движение 22 марта", вопреки нажиму властей, ширилось (был выдвинут лозунг: "От критики университета - к критике общества!"), правительство всё чаще пускало в дело полицию. События разрастались как снежный ком - осуждение группы зачинщиков - закрытие университета - новые стычки студентов с полицией - новые аресты – новые демонстрации - новые стычки - новые аресты - новые демонстрации...

УЛИЧНЫЕ БОИ В ПАРИЖЕ

К 10 мая 1968-го число раненых во время столкновений на улицах Парижа перевалило за тысячу, число арестованных - тоже. Обуздать полицию требовали уже не только студенты, но и большинство преподавателей, виднейшие деятели культуры и лауреаты Нобелевской премии, крупнейшие профсоюзы и левые партии. Но президент Франции генерал де Голль стоял как скала, заявив, что не уступит молодёжи. 10 мая 20-титысячная демонстрация студентов была заперта с двух сторон французскими омоновцами на бульваре Сен-Мишель. На беду властей, бульвар был мощён булыжником и к ночи студенты соорудили около 60 баррикад - в дело пошла не только брусчатка, но и припаркованные по соседству автомобили, вообще всё, что могло препятствовать продвижению спецчастей полиции. Сражения на баррикадах продолжались до шести утра.

С 13 мая начались захваты университетов студентами в крупнейших городах страны, с 14 мая – захваты заводов рабочими, без всякой на то санкции профсоюзов и традиционных левых партий, более того - к их паническому ужасу. 15-го студентами был захвачен театр

"Одеон", превращённый в дискуссионный клуб. Стены Латинского квартала покрылись многочисленными плакатами и граффити. Наиболее известные лозунги парижского Красного Мая: "Запрещено запрещать!", "Будьте реалистами - требуйте невозможного!" и "Воображение - к власти!" Но, кроме того: "Под мостовыми - пляжи", "Граница - это репрессия", "Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства", "Всё хорошо: дважды два уже не четыре", "Оргазм - здесь и сейчас!" Конечно, это не вписывалось в привычные концепции угнездившихся на своих позициях за два с половиной послевоенных десятилетия традиционных левых. Зато очень попахивало мышлением в духе Ситуационистского Интернационала, выступившего одним из главных интеллектуальных провокаторов революционных событий.

О РОЛИ БУНТУЮЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИГРАЮЩЕГО САМОСОЗНАНИЯ

Маленькая группировка на стыке политики и искусства (вспомним, во избежание вредной мешанины, слова Вальтера Беньямина о том, что на эстетизацию политики фашистами левые отвечают политизацией искусства. Вспомним и не забудем - это важно), возникшая в конце пятидесятых на обломках дадаизма, сюрреализма и радикальной политической левизны середины XX века, была мало кому известна до тех пор, пока по чугунной голове мирового капитала не жахнул индейским томагавком 68-й. Их было всего несколько человек (по другой версии, всё-таки - несколько десятков человек), и, помимо занятий искусством, они, что важнее, издавали ежегодник "Ситуационистский Интернационал", в котором в полной мере проявился теоретический дар Ги Дебора и Рауля Ванейгема, авторов двух важнейших для понимания современного революционного процесса книг, соответственно - "Общества зрелища" (также переводят как "Общество спектакля") и "Революции повседневной жизни".

Если сказать кратко (свести тонны житейской мудрости, переведённой ситуационистами на килограммы печатного текста, к миллиграммам экстракта, "заварки", которая всегда с собой, под крышкой чайника, именуемого "череп"), то они полагали, что современный капитализм научился превращать любые факты жизни, будь то искренняя эмоция любви или яростный порыв протеста - в зрелище, а зрелище - в товар, который, будучи расфасован в выпуски теленовостей, подборки рекламных роликов, в навязываемые через СМИ привычки и настроения, теряет какие-либо черты своей первичной, "предпродажной" подлинности, а заодно все признаки опасности для господствующего экономического, идеологического и политического порядка. Поэтому, считали ситуационисты, для настоящего революционера мало толку в создании больших политических партий, пусть самых радикальных, или в долгом и трудном формировании профсоюзов, пусть и самых борющихся - все эти институции уже не могут быть инструментами бунта, инструментами революции.

Инструментом бунта может быть лишь каждая, отдельно взятая, человеческая личность, а также добровольные союзы этих личностей, формирующиеся для единственной подлинно весёлой и подлинно освобождающей человеческой игры - революции повседневной жизни. Одним словом, никакая партия не поможет тебе, никакой комсомол, никакой профсоюз, никакая, fucking shit, террористическая организация. Только сам. Только своей головой. Только собственным усилием. Только в своей собственной жизни.

Теперь перечитаем: "Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства", "Оргазм - здесь и сейчас!" Звучит немножко по-другому, не так ли? Впрочем, довольно здесь теории (страждущие - не пропустите готовящуюся в недрах книжных издательств "Антологию Ситуационистского Интернационала" или разыщите уже сейчас - в сети, в книжном магазине - книжку Кена Нэбба "Радость революции"; вышедший же несколько лет назад перевод "Общества спектакля" настолько плох, что лучше читать Дебора на иноязыках).

1968-Й: ВОССТАНИЕ СМЫСЛА

Вернёмся в Париж, во Францию. Во Франции бушевал общенациональный кризис. Вспыхнувший из ничего? Из какой-то одной акции леваков? Из одного смелого поступка студентов, захвативших деканат? Из глупости министра просвещения? Из упрямого маразма господина президента? Да, из всего этого, но также из того, что старый мир перестал выдерживать новые смыслы, новые порывы жизни, её горячее дыхание, её горячечный блеск в глазах.

Вот что вспоминает кинорежиссёр Элен Шателен, недавно снявшая фильм о "нашем" сталинском ГУЛаге, а тогда, в 68-м, бывшая парижской студенткой: "...Взрыв, который тогда произошёл, был взрывом внутри смысла. Главный вопрос был не "как организовать движение?", а "почему?" и "что значит?" Это был глубокий семантический взрыв. Политический язык был абсолютно не адаптирован к возникшей ситуации. Он оказался вне рамок того, о чём люди, спонтанно вышедшие на улицу, хотели сказать. (...) Только потом, когда профсоюзы увидели, что все заводы во Франции остановились (что показалось им невозможным и невероятным!), они стали формулировать требования. Ведь нельзя же на вопрос: "Чего вы хотите?" - ответить: "Мы хотим жить", "Мы не знаем, чего мы хотим". Тогда-то профсоюзы и подсуетились: "Мы хотим больше зарплаты", - и потом всё это ушло в "нормальную профсоюзную деятельность"".

"Куда вы пойдёте? Куда будет двигаться демонстрация?" – спрашивали на пике движения запуганные охранители у студенческого вожака Даниэля Кон-Бендита. "Маршрут демонстрации будет зависеть от направления ветра!" - не без позы ответил им молодой наглец с огненно-рыжими волосами. И был при этом абсолютно, стопроцентно, математически точен. Ибо только так в мае 68-го можно было озвучить "фразу, которую писала улица".

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ТОЖЕ БУРЛИЛА

68-й не был бы тем, чем он был, если бы события, какими бы грандиозными, прекрасными и вдохновляющими они ни были, происходили только во Франции. 68-й (мы договорились вначале, что это объёмный, комплексный термин, а не просто составное имя числи-

тельное) широко распространился и по ту, и по эту сторону "железного занавеса".

Хочется рассказать про всех, но это долго, так что назову только страны и, может быть, некоторые вехи.

В Чехословакии - Пражская вес-на. Общество, давно готовое взор-ваться, реагирует на малейшие перемены в курсе партийного руко-водства и, не дожидаясь команды сверху, начинает освобождать себя самостоятельно. От слов переходили к делу, правда, уже параллельно начавшейся советской оккупации. В Чехословакии тоже были захваты заводов, тоже были толпы людей против танков на улицах, какое-то время действовало даже второе, подпольное руководство ЧССР, прошёл даже (вдумайтесь - в официально социалистической стране!) нелегальный съезд (!) правящей (!!) коммунистической партии (!!!) - под охраной рабочих, на одном из захваченных заводов.

Потом, как и в Западной Европе, был откат. Впрочем, в 68-м времена не были ещё столь свинцовыми ("Свинцовые времена" Маргарете фон Тротта надо посмотреть обязательно, хотя они и про другой этап революционного движения в Европе; про 68-й же, вернее, про то, почему произошёл 68-й, смотрите великолепные фильмы Жана Люка Годара, прежде всего - "Weekend" и "Китаянку") - и потому молодёжь бунтовала, в том числе и на Востоке.

Польша. Март 68-го. Студенческие выступления в Варшаве и Кракове, столкновения с милицией, около 1200 студентов арестовано.

В Югославии - массовые студен-ческие демонстрации в июне 68-го. Лидер страны маршал Тито вынуж-ден перейти к широким общест-венно-политическим реформам (кстати, ещё один важный для понимания эпохи фильм был снят именно в Югославии в 1968-71 гг. Это "В.Р. Тайны организма" Душана Макавеева, подробно, насколько это вообще возможно в игровом кино, излагающий и иллюстрирующий теорию сексуальной революции этого самого В.Р., то есть Вильгельма Райха. Райх погиб в американской тюрьме в конце пятидесятых, но дело его вдохновило бунтарей 68-го).

В ТЕЛЕГРАФНОМ СТИЛЕ: ALL OVER THE WORLD

Германия. Бурные студенческие бунты, оккупация университетов, появление новых, вне закостенелой левой традиции, революционных объединений (запомним для поиска в интернете: "Коммуна-1", "Социалистический коллектив пациентов").

Италия. Бастуют 95 процентов населения страны!

Вьетнам. Знаменитое партизанское Тет-наступление (то самое, в честь которого назвали ребёнка в недавнем фильме "Вместе" шведа Лукаса Мудиссона - тоже смотреть, смеяться и плакать, - про то, кем стало поколение 68-го лет через семь после революции).

США. Бушующее море событий, всего даже не перечислить. Дам лишь масштаб: бунты более чем в 170-ти городах, 27 тысяч человек арестованы - это несколько "дивизий" повстанцев!

А ещё: Мексика, Нигерия, Перу, Португалия, Израиль, Япония, Испания, Китай...

НУ И?

Опять проиграли? Это как посмотреть. Если считать "выигрышем" революцию 1848 года (забыв про 1852-й) или - революцию 1917-го (забыв про 1921-й) - тогда, может, и так. А если отключить штампы и включить воображение, которое одно только и достойно власти, тогда...

68-й не победил и не проиграл. Он сформировал тот мир, в котором мы сейчас живём. Впрочем, некоторые считают, что эпоха та окончилась 11 сентября 2001 года. Окончилась? Посмотрим.

Влад ТУПИКИН

первая публикация: бумажный журнал Rockmusic.ru #1, 2003 версия, напечатанная в этом номере "Воли", расширена и заново отредактирована

ВАША ПОЛИТИКА СКУЧНА

Признайте это: ваша политика скучна.
Вы знаете, что это правда. В противном случае, почему все кривятся, когда вы говорите это слово? Почему посещаемость ваших групповых встреч по обсуждению анархо-коммунистической теории постоянно падает? Времени мало? Почему притесняемый пролетариат не приходит в себя и не присоединяется к вашей борьбе за освобождение мира?

Надо полагать, после стольких лет борьбы за открытие им глаз на то, что они жертвы, вы начали осуждать их за их социальное положение. Они должны хотеть быть землёй под пятой капиталистического империализма; иначе, почему они не проявляют интереса к вашим политическим делам? Почему они всё ещё не присоединились к вам в превращении себя в мебель из красного дерева, в распевании лозунгов на осторожно спланированных и оркестрированных протестах, или в зарывании в часто встречающиеся собрания анархистских книжек? Почему они не сели и не выучили всю необходимую терминологию для точного понимания сложностей марксистской экономической теории?

Правда в том, что ваша политика скучна для них, потому что она неуместна. Они знают, что ваши устаревшие стили протеста - ваши марши, знаки сцеплённых рук и собрания - сегодня бессильны принести реальные изменения потому, что они превратились в предсказуемую часть существующего положения. Они знают, что ваш пост-марксистский жаргон только сбивает с толку - потому что в действительности это язык обыкновенного академического диспута, а не оружие, способное расколоть систему контроля. Они знают, что ваши распри, расколы групп и бесконечные споры об эфемерных теориях никогда не смогут принести реальные изменения в мир, с которым они сталкиваются ежедневно. Они знают, что не имеет значения, кто заседает в офисе, какие законы написаны в книгах, под флагом какого "-изма" маршируют интеллектуалы, ибо содержание их жизней останется тем же. Они - мы - знаем, что наша скука является доказательством, что эта "политика" - не ключ к реальной трансформации жизни. Ведь наши жизни уже достаточно скучны!

И вы это тоже знаете. Для скольких из вас политика - это ответственность? Вы во что-то вовлечены потому, что чувствуете, что должны, в то время как думаете о миллионе других вещей, которыми хотелось бы заниматься? Волонтёрская работа - это ваше любимое времяпрепровождение, или вы её делаете из чувства долга? Как вы думаете, почему так тяжело мотивировать других к тому, чтобы заниматься волонтёрством, как вы? Может ли это быть так прежде всего из-за чувства вины, которое толкает вас выполнять ваш "долг", чтобы быть политически активным? Возможно, вы добавляете остроты своей "работе", пытаясь (сознательно или нет) попасть в неприятности с властями, быть арестованным: не потому, что это будет полезным вашему делу, а чтобы сделать всё более волнующим, почувствовать немного романтики бурных времён, оставшихся в прошлом. Вы никогда не чувствовали, что участвуете в ритуале, давным-давно установившейся традиции напрасных протестов, которые служат только укреплению позиции мейнстрима? Вы никогда не хотели убежать от застоя и скуки своей политической "ответственности"?

Не удивительно, что никто не присоединился к вам в ваших политических устремлениях. Полагаю, вы говорите себе, что это трудная неблагодарная работа, но кто-то должен её делать. Ответ, на самом деле: НЕТ.

В действительности вы наносите нам всем вред со своей скучной и утомительной политикой. Потому что, в сущности, нет ничего важнее политики. НЕ политики украинской, белорусской или российской "демократии" и закона, которая выбирает государственного деятеля, подписывающего те же самые указы и сохраняющего ту же самую систему. Не политики анархиста типа "я радикальный левый потому, что я наслаждаюсь спорами по тривиальным вопросам и риторическим писательством о недостижимой утопии". Не политики любого лидера или идеологии, которые требуют от вас жертв ради "дела". Но политики наших повседневных жизней. Когда вы отделяете политику от непосредственного, каждодневного опыта отдельных мужчин и женщин, она становится абсолютно безотносительной. Более того, она становится частным владением состоятельных, расслабленных интеллектуалов, которые могут занимать себя такими нудными теоретическими вещами. Когда вы вовлекаете себя в политику из чувства долга и превращаете политические акции в скучную обязанность вместо волнующей игры ради самой игры, вы отпугиваете людей, чьи жизни и так слишком нудны, чтоб вместить ещё больше скуки. Когда вы превращаете политику в безжизненную вещь, безрадостную вещь, ужасную ответственность, она становится просто ещё одним грузом на плечах людей, вместо того, чтобы стать способом снятия груза. Таким образом, вы разрушаете идею политики у людей, для которых она должна быть наиболее важной. Ведь все задумываются над своей жизнью, спрашивают себя, что бы они хотели от жизни и как они могут это получить? Но из-за вас политика выглядит для них как беспросветная, безотносительная, бессмысленная игра для среднего класса/богемы, игра без связи с реальной жизнью, которой они живут.

Что должно быть политическим? Когда мы наслаждаемся тем, что мы делаем, чтобы добыть еду и кров. Когда мы чувствуем, как наши ежедневные взаимоотношения с нашими друзьями, соседями и коллегами удовлетворяют нас. Когда у нас есть возможность жить каждый день так, как мы захотим. И "политика" должна состоять не просто из обсуждения этих вопросов, но из конкретных действий для улучшения наших жизней непосредственно в настоящем. Действовать таким образом, который сам по себе занимателен, волнующ, весел - потому что политическая акция, которая нудна, утомительна и подавляюща может

только увековечивать скуку, усталость и подавленность в наших жизнях. Время больше не должно тратиться на обсуждения проблем, которые будут неуместными, когда мы на следующий день снова пойдём на работу. Хватит ритуальных предсказуемых протестов, с которыми власти отлично знают, что делать; хватит скучных ритуальных протестов, которые не будут выглядеть как захватывающий способ провести субботний день для потенциальных волонтёров. Никогда снова мы не должны "приносить самих себя в жертву ради дела". Потому что мы сами, счастье в наших собственных жизнях и в жизнях наших друзей - должны быть нашим делом!

После того, как мы сделаем политику значимой и волнующей, остальные последуют за нами. Но из тоскливой, только теоретической и/или ритуализированной политики ничего стоящего не может вырасти. Мы не говорим, что мы не должны проявлять интерес к благополучию людей, животных или экосистем, которые не контактируют с нами напрямую в нашем повседневном опыте. Но фундаментом нашей политики должна быть реальность: она должна быть непосредственной, для всех должно быть очевидно, почему ради неё стоит прикладывать усилия, она должна быть весёлой сама по себе. Как мы можем делать позитивные вещи для других, если мы сами не наслаждаемся нашими жизнями?

Сделайте это реальным на минуту: день сбора еды, выброшенной торговцами и раздача её голодным людям и людям, уставшим работать, чтобы платить за еду - это хорошая политическая акция, но только если вы получаете удовольствие от неё. Если вы делаете это со своими друзьями, если вы встречаете новых друзей, когда занимаетесь этим, если вы влюбляетесь или обмениваетесь смешными историями, или просто чувствуете гордость от того, что помогли небогатой женщине, облегчив её финансовые потребности, то это хорошая политическая акция. С другой стороны, если вы провели утро, печатая злое письмо неизвестной левой газете по поводу использования корреспондентом термина "анархо-синдикалист", это не прекратит дерьмо, и вы знаете это.

Похоже, настало время выдумать новое слово для обозначения "политики", так как вы превратили старое в богохульство. Никто не должен быть отодвинут в сторону, когда мы говорим о совместных действиях по усовершенствованию наших жизней. Поэтому мы представляем вам наши требования, которые не обсуждаются, и должны быть удовлетворены как можно быстрее - ведь мы не собираемся жить вечно, не так ли?

1. Сделайте политику снова значимой для нашей повседневной жизни. Чем дальше объект нашего политического интереса, тем меньше он будет для нас значить, тем менее реальным и срочным он будет нам представляться, и более скучной будет политика.

2. Вся политическая активность должна быть весёлой и захватывающей сама по себе. Вы не можете избежать тусклости с помощью тусклости.

3. Чтобы довести до конца первые два шага, должны быть созданы абсолютно новые политические методы и подходы. Старые устарели, вышли из моды. Да похоже, они НИКОГДА не были хороши, вот почему наш мир такой, какой он есть сегодня.

4. Наслаждайтесь собой! Нет извинений скучающим... или скучным!

Присоединяйтесь к нам в превращении "революции" в игру; игру с самыми высокими ставками, какие только возможны, но, тем не менее, весёлую и беззаботную игру!

CrimethInc / Tigra-Nigra
2003 no copyrights
http://tn.zaraz.org/texts/t_politics.html

ЛИЧНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

Пособие для начинающих

Великий секрет нашего несчастно-го, но одновременно и чудесного времени состоит в том, что мышление - это удовольствие. Личная революционная теория - это удовольствие подрывной мысли, разрушительное и созидательное наслаждение от создания полной приключе-ний теории/практики переустройства мира. Бывает, ты чувствуешь отчуждение, когда оказываешься пойманным на соучастии в основанной на "консенсусе" системе воззрений своего времени. И это отчуждение можно отринуть только при помощи самостоятельного взгляда на мир.

Личная революционная теория - это основа критического мышления, которое ты сможешь использовать для анализа того, почему твоя жизнь такова, какова она есть, и почему мир таков, каков он есть. Это практическая теория, объясняющая, что именно надо сделать, чтобы получить то, чего ты желаешь в своей жизни. Те, кто борятся за правое дело или идеал, принимают тем самым и отчуждение. Если ты жертвуешь чем-то ради правого дела, ты находишься на службе господствующего общественного порядка, даже если думаешь, что борешься против него. Думай сам и о себе.

* * *

В любой ситуации спрашивай себя: "Что я чувствую? Доволен ли я собой? Своей жизнью? Получаю ли я то, чего хочу? Почему нет? Что мешает мне получить то, чего я хочу?" Эти вопросы заставят тебя осознать среду, в которой ты находишься, её повседневную рутину. Существование повседневной жизни - это общественный секрет, который с каждым днём всё более очевиден по мере того, как всё более очевидной становится её нищета.

Личная революционная теория опирается на острое осознание твоих желаний и их ценности. Подлинный "рост сознательности" влечёт за собой развитие самосознания радикальной субъективности, свободной от чувства вины. Путь от самоотрицания до радикальной субъективности проходит через нулевую отметку нигилизма. Здесь ты осознаёшь, что сегодняшний день лишён жизни, что жизнь заморожена как труп в морге. Когда ты по-новому смотришь на мир и осознаёшь разницу между выживанием и жизнью, вдруг оказывается, что всё ложно, кроме твоих желаний и воли к жизни.

Нигилисты отрицают всё общественно-признанное - дешёвые товары и их ещё более дешёвые образы, Бога, страну, работу, искусство, городское планирование, смешные значки, теле-шоу, признающиеся в своей любви к тебе, и мыло, испытывающее страсть к твоим рукам. Нигилисты постоянно испытывают страсть к разрушению системы, каждодневно разрушающей их. Когда тебе говорят: "Нельзя, чтобы всегда было по-твоему" или: "В жизни есть чёрные и светлые полосы", или что-нибудь ещё из репертуара светской религии выживания, твой мозг воспламеняется, и ты понимаешь, что не можешь продолжать жить как раньше.

Очень скоро ты сталкиваешься лицом к лицу с тем, что тебе нужна последовательная тактика, которая бы оказала практическое влияние на твою жизнь и мир вокруг. Субъективная ярость зачастую принимает форму роли - самоубийцы, одинокого маньяка, уличного хулигана, вандала, нео-дадаиста, профессионального пациента психбольницы, - роли, которая является компенсацией за жизнь, наполненную мёртвым временем. Нигилисты не осознают возможностей исторического переустройства мира, потому что они не знают о миллионах других нигилистов, вместе с которыми они могли бы участвовать в проекте самореализации.

* * *

Смотреть на свою жизнь политически означает всего лишь осознавать, что изменить её можно, лишь изменив мир, а изменить мир можно только сообща. Коллективная самореализация, то есть революционная политика, заключается в присвоении общественных отношений в их целостности и в переустройстве их в соответствии со своими желаниями. Людям не дают возможности анализировать свою повседневную жизнь в её целостности, задавая частные вопросы, - о зрелищных пустяках, ложных противоречиях и надуманных скандалах. Ты за или против профсоюзов? А войны? Мягких наркотиков?? НЛО??? Это - ложные вопросы, которые воспринимаются в контексте ложных конфликтов, ложных представлений и противопоставлений. Единственный вопрос для тех, кто сосредоточен на себе, состоит в том, ***КАК МЫ ЖИВЁМ?***

Есть старая еврейская поговорка: "Если у вас есть две альтернативы, выбирайте третью". Всегда ищите новый взгляд на проблему. Осоз-

навать наличие третьей альтернативы - значит отказываться от выбора между двумя якобы противоположными, но зачастую равнозначными полюсами, которые пытаются навязать нам в качестве целостного восприятия ситуации. Взгляд радикальной субъективности выражен словами человека, который в ответ на вопрос судьи: "Признаёте ли вы себя виновным в ограблении?" - отвечает: "Я голодаю".

* * *

Там, где отсутствует действительная человеческая общность, люди цепляются за разнообразные ложные социальные идентичности, соответствующие их ролям в зрелище. В зрелище люди созерцают и потребляют образы того, что представляет из себя жизнь и забывают при этом жить сами. Эти ложные идентичности могут быть этническими (русский), расовыми (чернокожий), организационными (член профсоюза), местными (житель Киева), сексуальными (голубой), культурными (футбольный фанат) и так далее. Это общее желание принадлежать к чему-либо зачастую приводит к ложному представлению о том, что быть русским или украинцем - это всё, чем может быть человек. Другими словами, эти идентичности скрывают подлинную сущность того или иного человека в обществе.

Чтобы понять, ***ПОЧЕМУ ЖИЗНЬ ТАКОВА, КАКОВА ОНА ЕСТЬ И ПОЧЕМУ МИР ВОКРУГ ТАКОВ, КАКОВ ОН ЕСТЬ,*** нужно сбросить все ложные идентичности и начать с себя как центра мироздания, а затем перейти к исследованию других людей и материальных основ жизни. Например, одна чашка кофе из кофейной машины связывает тебя с тысячами работников по всему миру - на кофейных и сахарных плантациях, сахарных заводах, целлюлозно-бумажных комбинатах, в типографиях и цехах упаковки. Одни рабочие добывали железную руду и плавили её, другие добывали нефть и перегоняли её, чтобы она впоследствии превратилась в пластмассу, третьи координировали доставку всех деталей с трёх континентов через два океана или организовывали транспортировку кофе.

Когда ты подумаешь обо всех рабочих, создавших вещи, которыми ты пользуешься, ты поймёшь, что тебя связывают непосредственные материальные отношения с несколькими миллионами человек. В свете этого все частные идентичности и особые интересы становятся малозначительными. Ты можешь легко представить себе потенциальное обогащение своей жизни: сейчас его не происходит потому, что творчество миллионов работников ограничено, они, в свою очередь, ограничены устаревшими и оглупляющими средствами производства, отчуждением, изуродованы безумными объяснениями, оправдывающими накопление капитала. Вот где находится твоя подлинная общественная идентичность. Среди миллионов людей по всему миру, сражающихся за то, чтобы вновь стать хозяевами своих жизней, ты находишь себя.

* * *

Всякое движение к самодемистификации должно избегать абсолютизации и цинизма - двух трясин, которые на первый взгляд кажутся зелёными лугами субъективности. Абсолютизация - это тотальное отрицание всех компонентов частных идеологий и зрелищ. Абсолютизирующий субъект не может разглядеть другого выбора, кроме полного принятия или полного отрицания. Он бродит среди полок идеологического супермаркета в поисках идеального товара и потом приобретает его - целиком.

Идеологический супермаркет, - как и всякий другой супермаркет, - годится лишь для разграбления. Более продуктивно будет, проходя мимо полок, вскрывать коробки, вынимать то, что кажется подлинным и полезным, а остальное - выбрасывать.

Цинизм - это реакция на мир, где господствуют противоборствующие идеологии, которые зачастую давно и целиком обанкротились. Циник в той же мере потребитель, что и абсолютизатор, но потребитель, отказавшийся от надежды когда-либо найти идеальный товар.

* * *

С каждым новым жизненным опытом или знанием, почёрпнутым в книге, ты постоянно обогащаешь свою личную революционную теорию новыми наблюдениями и приобретениями. Мышление - не количественное суммирование предыдущего опыта и вновь полученных знаний, но качественное создание новой целостности. Если мы постоянно задумываемся над тем, как мы хотим жить, мы можем критически заимствовать из любых источников в процессе создания нашей личной революционной теории - из идеологий и социологических исследований, у культурологов, технократических экспертов и даже у мистиков. Весь мусор и руины старого мира могут быть перевёрнуты в поисках полезного материала - тем, кто хочет заново создать мир.

* * *

Сущность современного общества, его глобальное капиталистическое единство делает необходимым превращение личной революционной теории в единую критику. Под этим мы подразумеваем критику всех географических регионов, всех существующих форм общественно-экономического господства, всех форм отчуждения (сексуальной нищеты, навязанного выживания, городского планирования и т.д.). Другими словами, действительность требует создания критики повседневного существования в целом, повсеместно, с точки зрения тотальности наших желаний.

Политики и бюрократы, проповедники и гуру, полицейские и градостроители, менеджеры корпораций и лидеры профсоюзов, сторонники господства мужчин и идеологи феминизма стремятся подчинить желания личности "общему благу", которое якобы делает их своими представителями. Всё это - силы старого порядка, хозяева, попы и уроды, которым есть, что потерять, если люди расширят игру по экспроприации своих жизней.

Самодемистификация и создание собственной революционной теории не уничтожают отчуждения. Мир и зрелище продолжают ежедневно воспроизводить себя. Революционная теория может по-настоящему существовать только вместе с революционной практикой. Чтобы быть последовательной и эффективно перестраивать мир, практика должна искать свою теорию, а теория - реализовываться на практике. Иначе теория перерождится в бессильное созерцание мира, интеллектуальную броню, которая служит защитной перегородкой между миром повседнев-

ности и человеком. История показывает, что если революционная практика вырастает не из демистификации собственного "я", то альтруистические намерения вырождаются в милитантизм, хаотичный активизм и профессиональное революционерство.

Наличие целостной личной революционной теории помогает мыслить. Например, легче предугадать развитие техники социального контроля в будущем, если у вас есть целостное представление о существующих сегодня техниках и идеологиях социального контроля. Мир можно поставить с головы на ноги только с помощью сознательной коллективной деятельности тех, кто создаёт теорию, объясняющую, почему он стоит вверх ногами. Одного спонтанного бунта и боевой субъективности недостаточно. Единственный способ сознательно смести все мистификации - это тотальная революция повседневной жизни.

Печатается по тексту газеты "Ситуационистская правда" и журнала УТОПИЯ (#1, лето 1998)

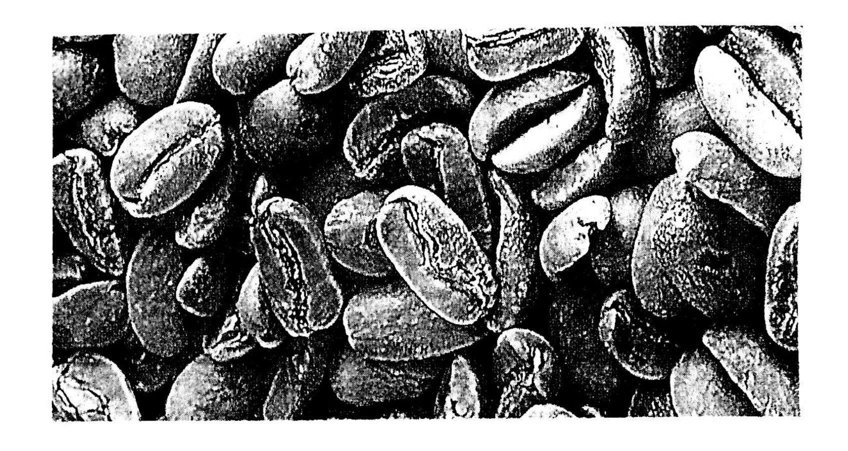
ЗРЕЛИЩЕ - ключевое понятие ситуационистской критики современного общества, понимаемого ситуационистами не как общество потребляения, а как общество зрелища. В обществе зрелища непосредственное проживание жизни, влекущее за собой разнообразные, в том числе направленные против Системы, действия, заменено на непрестанное подглядывание за жизнью в замочную скважину телевидения и других средств массового управления и дезинформации. Жизнь подменяется зрелищем – и добро бы хоть зрелищем жизни! - но всё чаще - зерелищем зрелища. Ситуационисты, редакция газеты "Воля", а также всё прогрессивное человечество выступают за отмирание общества зрелища и восхождение к непосредственной, "прямой" жизни. В этом каждому из нас и нам всем вместе и должна помочь личная революционная теория.

Сбор кофе в Португальской Индии. Гравюра

Кофеуборочный комбайн

необжаренные зерна кофе

ПЛ@МЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Бывает, я восхищаюсь революционерами прошлого - читая о них в умных книжках или в самиздатских журналах; про некоторых революционеров сняты фильмы - и не все-гда эти фильмы так уж плохи. Но всё-таки те люди (исторические революционеры) жили совсем в другие времена - и главное для меня отличие состоит в том, что гнёт и прямое подавление были тогда наверняка жёстче, чем сейчас, но зато оправдания этого гнёта не были столь изощрёнными. Именно поэтому, в частности, опыт тех революционеров мало применим в наше время. Мы можем восхищаться их поступками, масштабами их личностей, но "сделать как они" у нас вряд ли получится - и не потому, что мы мелкие, боязливые и вообще какие-то не такие ребята и девчата, а потому, что не получилось бы и у них самих, перенеси их из XVIII, XIX и XX веков сюда, в начало двадцать первого.

В России, в Белоруссии, в большинстве стран бывшего СССР подавление человека государством сейчас тоже довольно открытое. В России, можно сказать, происходит становление эпохи "развитого КГБ-изма". Не хотелось бы, но возможно, что такая же участь ждёт в ближайшем будущем и Украину. Может быть поэтому (хотя, конечно, это плохой повод) революционеры прошлого вновь становятся нам ближе и понятнее.

Может быть именно это ощущение натолкнуло меня на мысль попросить авторов, известных в анархистской среде, написать своего рода портреты революционеров и революционерок, которыми они восхищаются, воодушевлены или просто глубоко уважают, попросил создать что-то вроде серии "Пламенные революционеры", только в газетном формате. Первоначально планировалось 12 очерков (по числу авторов), но с задачей справились (или посчитали важным справляться :) далеко не все. Не страшно - мы же не догматики. Апостолов и апостолиц не обязательно должно быть двенадцать. :) К тому же, учиться революции у прошлого можно не только вокруг да около 7 ноября. Не исключено, что недонаписанное сегодня, завтра окажется ещё более востребованным и потому, возможно, выйдет из под пера куда более блестящим, нежели то, что могло бы быть, но не написалось сегодня. Если угодно, это объявление об открытии в "Воле" постоянной рубрики "Пл@менные революционеры". Не потому, что мы хотим спрятаться в прошлом, наоборот – потому, что хотим сами строить своё будущее. Опыт предков в таком строительстве нам совсем не повредит: любому дому нужен фундамент.

Поехали: Буэнавентура Дуррути, Михаил Бакунин, Джордж Оруэлл, Дмитрий Писарев, Вера Засулич...

У каждого, кто читает эти строки, есть возможность вписать в этот список и своё собственное имя - не как энциклопедиста, а как творца, как жизнеустройца, как революционера. Тут вам не иконостас: все революционеры когда-то пачкали пелёнки. Но все они смогли подняться над бытовым уровнем говна, которое засасывает любого. Повторить это их усилие, не повторяя буквально их поступки, - важно для каждого существа, наделённого мышлением.

Влад ТУПИКИН

БУЭНАВЕНТУРА ДУРРУТИ

Человек, которого я считаю идеальным революционером? К сожалению, с возрастом краски блекнут, цвета смазываются и менее резко различимы. Начинаешь считать, что идеальных людей в реальности не существует. А значит, и идеальных революционеров. И всё-таки, если уж говорить о чём-то таком, то мой кандидат: испанский анархо-синдикалист Буэнавентура Дуррути (1896 1936) - рабочий, активист, автор покушений и актов саботажа, экспроприатор, народный мститель, организатор восстаний и командир анархистского народного ополчения, которое сражалось с фашистами и освободило территорию Арагона, где, по существу, установился вольный, безгосударственный коммунизм.

За что мне так нравится Дуррути? Не только за его отчаянную смелость и революционные таланты. Не только за верность анархистским убеждениям, за то, что отказался поддержать компромиссы во имя "антифашистского единства" с буржуазией и "красными фашистами", отказался одобрить вступление в правительство и послал генсека своей организации на три буквы за такое предложение. Но ещё и за то, что, говоря словами Лао-цзы, создавая, не обладал тем, что создано. Экспроприируя банки, он не приобрел ни песеты, и после его смерти остался только чемодан с носильной одеждой. Руководя отрядами ополчения, не приобретал власти над товарищами по оружию и привилегий. Не унижал людей командами и не расстреливал за отступление или желание уйти с фронта домой. Короче за то, что он не Че Гевара!

Вадим ДАМЬЕ

БАКУНИН:
ДОН КИХОТ РЕВОЛЮЦИИ

Слово "Революция" - слово громкое, большое, двусмысленное и многоликое. И столь же многолики и разнообразны знаковые имена, символизирующие собой революцию: Робеспьер, Ленин, Гарибальди, Бланки, Гевара, Нечаев... Однако, если сузить смысл слова революция и, отбросив все иные ("переворот", "захват власти", "самоцель", "средство" и проч.), оставить одно - "освобождение" – освобождение непрерывное и всеобщее, всемирное, безграничное, внутреннее и внешнее, то и в отношении нужного имени двух мнений быть не может. Бакунин. Михаил Александрович Бакунин. Бунтарь. Современный Прометей, жизнь без остатка положивший не на борьбу за мировое господство, а на борьбу за всемирное освобождение. (Не случайно же, прикованный цепью к стене австрийской крепости, в ожидании исполнения смертного приговора он в 1849 году думал о Прометее и сравнивал себя с ним.) Когда-то, в античности, Государство, Империя в лице Александра Великого любезно спросило у одного из первых сознательных анархистов в истории - киника Диогена Синопского, что оно, всемогущее государство, могло бы для него сделать. "Не засти мне солнца!" - этот ответ анархисты потом повторяли бессчётное число раз. Жизнь - это страсть, свобода невозможна наполовину, нельзя быть свободным, когда другие в рабстве – это кредо Бакунина, многократно обоснованное им в теории и вошедшее в его плоть и кровь.

Баррикады, горячие статьи и письма-бомбы, разбрасываемые по всему свету, полемика, трибуна, восстания, конспирация, столкновения противников в честном и бескомпрмиссном бою - это его стихия. Вне её он ощущал себя как рыба, вынутая из воды. В атмосфере упадка, реакции, малодушия, ничтожных страстей, нарастающей "цивилизационной гангрены буржуазных стремлений" Бакунин задыхался. Вся его жизнь - это ослепительный росчерк от одного восстания к другому. А между ними: крепости, оковы (не метафорические – реальные), ссылка, побег, нищета, клевета и интриги врагов... Бакунин сам себя сравнивал с Дон Кихотом и говорил, что покой, желанный для других, тяготил его, а порабощение окружающих воспринималось тяжелее, чем даже собственная несвобода. Наше нынешнее время - циничное, изверившееся (одно слово - ***"постмодернистское"*** - то есть наступившее после настоящего) с недоверием отвернётся от этого пафоса, однако вне этого пафоса, риска, жертвы анархизм вырождается в схему и доктринёрство. В деле воодушевления окружающих, революционизации сознания - словом и делом - Бакунин не знал равных. Не случайно поэт и романтик (один из последних могикан романтизма) Александр Блок сравнил его с "нераспылавшимся ещё костром", "огнём" - ибо по всему миру сыпались искры от его освобождающего и очищающего пламени, испепеляющего оковы и раздвигающего горизонты. Этот Дон Кихот Революции бросался со своим копьём на романовскую российскую империю, на бисмарковскую Пруссию, на марксов авторитаризм, и от ударов его копья эти твердыни трещали и качались. Он первым бросался в фантастические предприятия и за ним устремлялись другие, увлечённые, пристыженные, поверившие - не в него, а в себя.

Его революционное донкихотство восхищало и ужасало Рихарда Вагнера, близко знавшего "Мишеля" в дни дрезденского восстания, изумляло умного друга и критика - Герцена, сказавшего однажды: "Истина мне истина, но и Бакунин мне Бакунин". Оно отталкивало всех "реальных политиков", всех, кто желал делать свой "бизнес" и грел руки у революционного костра. "Какой человек!" - говорил о Бакунине Коссидьер, парижский "революционный" префект полиции, получивший свой пост в ходе февральской революции 1848 года. "Какой человек! В первый день революции - это просто клад, а на второй день его надобно расстрелять". Мне кажется, в этих словах - самая высокая из всех оценок Бакунина. Этот человек – несовместим с властью, по определению, по сути своей не способен стать человеком власти, продаться, примириться - он всегда на стороне униженных, бунтующих и не примирившихся. И его последователи-анархисты были использованы духовными собратьями Коссидьера - практичными большевиками, которые "в первый день революции" (в 1917 году) опирались на их помощь, а на "второй день" (в 1918-1921 годах) поставили их к стенке, узурпировав имя революции и успешно продолжив дело тех, против кого была направлена революция. Но, подобно тому, как Дон Кихот, поверженный и осмеянный своими врагами, поднимается и вновь безрассудно бросается в атаку, подобно тому, как искры огня, залитые водой, неожиданно могут ярко вспыхнуть вновь, в другом месте, подобно тому, как печень Прометея, съеденная орлом Зевса - царя богов, отрастает вновь, Бакунин, "расстрелянный" однажды, пламенно разгорался вновь и вновь. "Расстрелянный" в июне 1848 года в Париже, он воспрянул в Коммунах Парижа и Лиона в 1871 году; расстрелянный там у стены Пер-Лашез и (спустя ровно 50 лет, месяц в месяц!), в Кронштадте в 1921-м вновь поставленный к стенке, он снова воплотился в Барселоне в 36-ом, а потом - в Будапеште 56-го, в Париже 68-го, в Гданьске 80-го... "Есть у революции начало, нет у революции конца", - эти слова из советской песенки вполне применимы к Бакунину, вновь и вновь посягающему на невозможное, ведь для него революция означает не средство и не самоцель, но Путь; не захват власти, а её разрушение; не превращение людей в марионеток, а их "распрограммирование"; не новое господство, а вечную непреклонную борьбу против всякого господства. И пусть такая борьба – донкихотство, пусть она "безнадёжна" - но отнюдь не бессмысленна. Это "донкихотство" в тысячу раз ценнее и выше, чем торгашеская суета и крысиные бега "реальных политиков", и чем мессианские заговоры новых "авангардов". И потому я никогда не променяю своего Бакунина - не идола, но идеал - ни на какого вашего Ленина и ни на какого Че Гевару!

Пётр РЯБОВ

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ: ПИСАТЕЛЬ И ЛЕВИАФАН

„Ни один мыслящий человек не может жить в таком обществе, как наше, не желая изменить его"
(Из „Почему я вступил в Независимую Лейбористскую Партию" Джорджа Оруэлла)

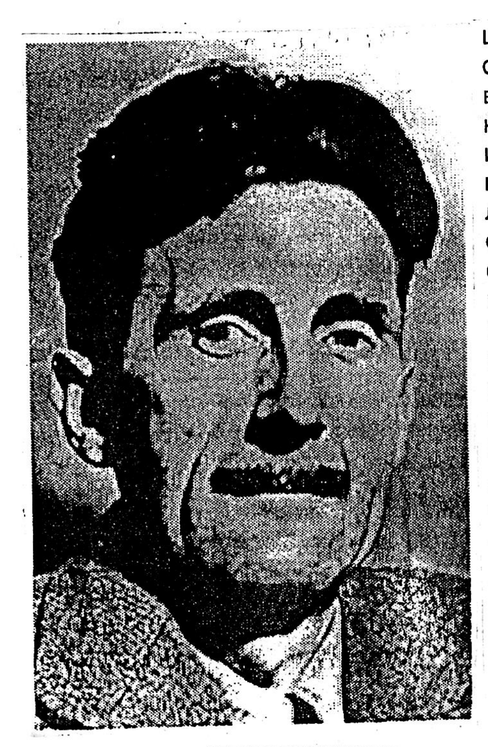
Когда-то давно, - кажется, в "Воле" же, - попытавшись описать информационную "чёрную дыру" вокруг ситуации в Чечне, я воспользовался банальным, но в этой ситуации - донельзя точным: "Война - это мир". В другом материале на эту же тему, помнится, увидел не дословное цитирование, а - использование схожей конструкции: "Ввод - это вывод". Вспомнилось об этом потому, что лишь совсем недавно начал осознавать (во всяком случае, о себе) - насколько оруэлловские образы и метафоры, анализ и стиль мышления повлияли на то, как воспринимаю происходящее, и - как пытаюсь его выразить. Иначе говоря - трудно сказать, каким бы виделся мне мир и моё место в нём без Оруэлла. А это значит, что и я был бы несколько иным, не так ли?

Говоря "Оруэлл", мы обычно говорим прежде всего о текстах. Чаще всего - нескольких: "1984", "Скотный двор"; возможно, ещё - "Памяти Каталонии". Написано же было неизмеримо больше. Джордж Оруэлл считал Писательство своим призванием, и подходил к творчеству осторожно и тщательно. Однако подавляющее большинство его 20-томного "Полного собрания сочинений", лишь сравнительно недавно и с трудом изданного на английском, составляют вовсе не романы и повести. Из книг Оруэлла, стоящих сейчас на моей полке, основное место занимает классический четырёхтомник "Эссе, журналистика и письма": вынужденный зарабатывать пером на жизнь, Оруэлл сотрудничал в разнообразных журналах, газетах и на радио. И проходя через его публицистику и рецензии, передачи на Би-Би-Си и письма, можно - одну за одной - узнавать те разноцветные нити рассуждений, наблюдений и выводов, которые потом сплетут пугающий узор таких произведений, как "1984".

Даже сейчас, неспособный из-за болезни найти нужные для этого текста отрывки, беру четырёхтомник - и на обложке высказывание его друга Сирила Коннолли: "Оруэлл, как и Лоурэнс, был человеком, чья индивидуальность сияет из всего, написанного им". Так что некоторые отрывки, приведенные ниже, выбраны открытием книг наугад с помощью случайных чисел - стóит ли говорить, что они оказались как нельзя кстати?

Делаю это именно потому, что не смогу обойтись без обращения к текстам, хотя речь вовсе не об Оруэлле-писателе, - а об Оруэлле-революционере, публицисте, политике, если хотите. Как о человеке, чей опыт может оказаться неоценимо полезен революционерам, которые пришли - и придут - после него. Речь о том, что вынуждает нас говорить об Оруэлле как о "революционере", несмотря на множество противоречий. И о том в его деятельности, без чего произвести никакую *настоящую* революцию, видимо, нельзя.

Первый отрывок, выбранный наугад в одной из оруэлловских рецензий: "...он [рецензируемый автор - Г.] считает, что для западных демократий выбор состоит между фашизмом и упорядоченным восстановлением при сотрудничестве всех классов. Во вторую возможность я не верю, - так как не верю, что человек с доходом в 50000 фунтов в год и человек с пятнадцатью шиллингами в неделю смогут - или захотят - сотрудничать. Природа их отношений - весьма проста: один грабит другого; и нет никаких причин думать, что грабитель вдруг резко переродится. Таким образом, если проблемы западного капитализма будут решены, - это будет сделано с помощью третьей альтернативы: движения, по-настоящему революционного, т.е. стремящегося к решительным переменам и, если необходимо, прибегающего к насилию - но не потерявшего связи, как это случилось с коммунизмом и фашизмом, с основными демократическими цен-

ностями. Подобное вполне можно себе представить. Зачатки такого движения существуют во многих странах, они способны прорасти. В любом случае, если этого не случится - то из той мерзости, в которой мы находимся, выхода нет".

БЛЭР И ОРУЭЛЛ

Нет, это - не тот Блэр. Это не Тони - нынешний британский премьер-министр, о котором вы, возможно, подумали. В этом нельзя не увидеть некой неприятно-закономерной иронии, но (если вдруг не знаете) Эрик Артур Блэр - и есть настоящее имя человека, который с определённого момента свои книги, а потом - и письма, да и официальные документы подписывал "Джордж Оруэлл".

Линия раздела между Блэром и Оруэллом пролегает вовсе не между "бумажным" писателем и живущим человеком. Всё происходило скорее поступательно: сначала был Блэр; потом рядом с ним возник писатель Оруэлл; затем в этом общем пространстве Оруэлл занимал всё больше места, пока не вытеснил Блэра полностью.

Разница между ними была, - но не настолько большая, чтобы о ней стоило сейчас говорить. Главное же было общим: прежде всего, оба были крайне "неудобными", не вписывающимися в предзаданные рамки людьми. Так было с фактами биографии: ***Э.Блэр***, будучи воспитан в семье среднего класса и умудрившись получить образование в аристократическом Итоне, впоследствии делает вещи почти скандальные, как-то: а) идет работать в имперскую колониальную полицию в Бирме; б) решает стать писателем; в) на какое-то время становится бродягой. Впрочем, речь идёт не о "вызове" ради вызова. Так же, как и в решениях и позициях, занимаемых ***Дж. Оруэллом***, трудно найти следы какого-либо (осознанного) эпатажа; в них, пожалуй, больше желания остаться независимым от господствующих "точек зрения" - для того, чтобы выработать свою собственную. Однако это вовсе не значило, что он стремился "остаться над схваткой": наоборот, выработав позицию, он ввязывался в эту схватку зубами и когтями, часто – перегибая палку. А поскольку обычно ни одна из борющихся сторон не могла признать его до конца "своим", - бороться приходилось на два, а то и несколько фронтов.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Типичным примером может быть его оценка гражданской войны в Испании. Трудно найти человека, который был бы более непримирим, саркастичен и жёсток по отношению к консервативной пропаганде: его неоднократное цитирование правой "Дейли Мейл" с её рассказами о монашках, распятых кровожадными коммунистами, обычно сопровождалось комментариями вроде: "За все месяцы, проведённые в Испании, я не видел ни одной. Возможно, мне просто не повезло" (не цитирую - пересказываю).

Однако худо приходилось и официальным "левым", которые за пределами Испании пытались представить социальную революцию как борьбу за демократическую буржуазную республику, а репрессии в отношении анархистов и полутроцкистской Рабочей Партии Марксистского Объединения (ПОУМ) со стороны испанской Компартии (не без помощи присланных из Москвы агентов ОГПУ) - как борьбу с внутренним врагом. Первый, правый миф был слишком очевидно абсурден, чтобы тратить на него так много энергии; второй же был распространён, "прогрессивен" и поэтому - более опасен. Дело было не только в том, что обвиняемые не имели права на защиту и были заранее заочно осуждены "левыми"; уже тогда, сквозь репортажи о преступлениях, которых не было, как и о битвах, которые никогда не происходили, Оруэлл увидел первые контуры того перевоплощения дезинформации в реальность, которое потом обретет окончательную форму в "1984". В лозунге Партии "Кто контролирует прошлое - контролирует будущее; кто контролирует настоящее - тот контролирует прошлое".

Подобным образом складывалась и партийная история Оруэлла: несмотря на всю бурную политическую деятельность, он успел побыть лишь членом Независимой Лейбористской партии - диссидентского левого откола от лейбористов. Да и то недолго - около года. К нему за всю его жизнь так и не прилип ни один политический "ярлык" - сам себя он признавал разве что "социалистом", вкладывая в это широкое понятие лишь то, что считал нужным. Со сталинистами и сторонниками Компартии Оруэлл воевал жёстче, чем самый заядлый консерватор; к троцкистам относился с симпатией и лёгким скепсисом; анархистов описывал также с симпатией, но отстранённо, хотя и дружил, скажем, с Джорджем Вудкоком - одним из самых заметных анархистских авторов того времени; консерваторов и либералов воспринимал как врагов рабочего класса, а значит - и собственных идейных противников. Симпатии определялись скорее ситуативно: о своём участии в гражданской войне в Испании он писал: "Я рад, что был среди... анархистов и членов ПОУМ, а не в Интернациональной Бригаде [организованной Компартией - Г.]", - ведь именно та война выковала в нём неприятие политики официальных промосковских компартий, как и - шире - положила начало активной политической деятельности. И в другом месте: "Если бы я [по прибытии в Испанию - Г.] полностью понимал ситуацию - наверное, я присоединился бы к ополчению C.N.T.", - то есть к анархистскому.

КОЛЕБАТЬСЯ ПРОТИВ ЛИНИИ

Недолгая партийная часть биографии Оруэлла закончилась в 1939 году, когда он вышел из НЛП. Вышел потому, что не мог согласиться с позицией "своей" партии относительно начинающейся войны, - Ору-

элл считал партию слишком "охваченной пацифизмом". Парадоксально то, что всего за несколько месяцев до этого он сам считал наступающую войну "империалистической" и пытался остановить её.

Само по себе это не было чем-то неожиданным: подобные колебания были достаточно распространены в среде левой британской интеллигенции, и сам Оруэлл неоднократно высмеивал их. Его историю отличало два момента: во-первых, он колебался не "вместе с линией партии", как делали многие промосковски настроенные интеллектуалы, а, скорее, вопреки ей. И - второе, пожалуй - более важное: он не боялся признавать свои вчерашние ошибки. Проще говоря, в отличие от тех, кто объяснял, что позиция изменилась в связи с изменившимися обстоятельствами, Оруэлл мог себе позволить открыто признать что-то вроде: Был неправ. Вчерашний анализ, прогноз и выводы недействительны потому-то и потому; давайте попробуем выстроить всё по новой.

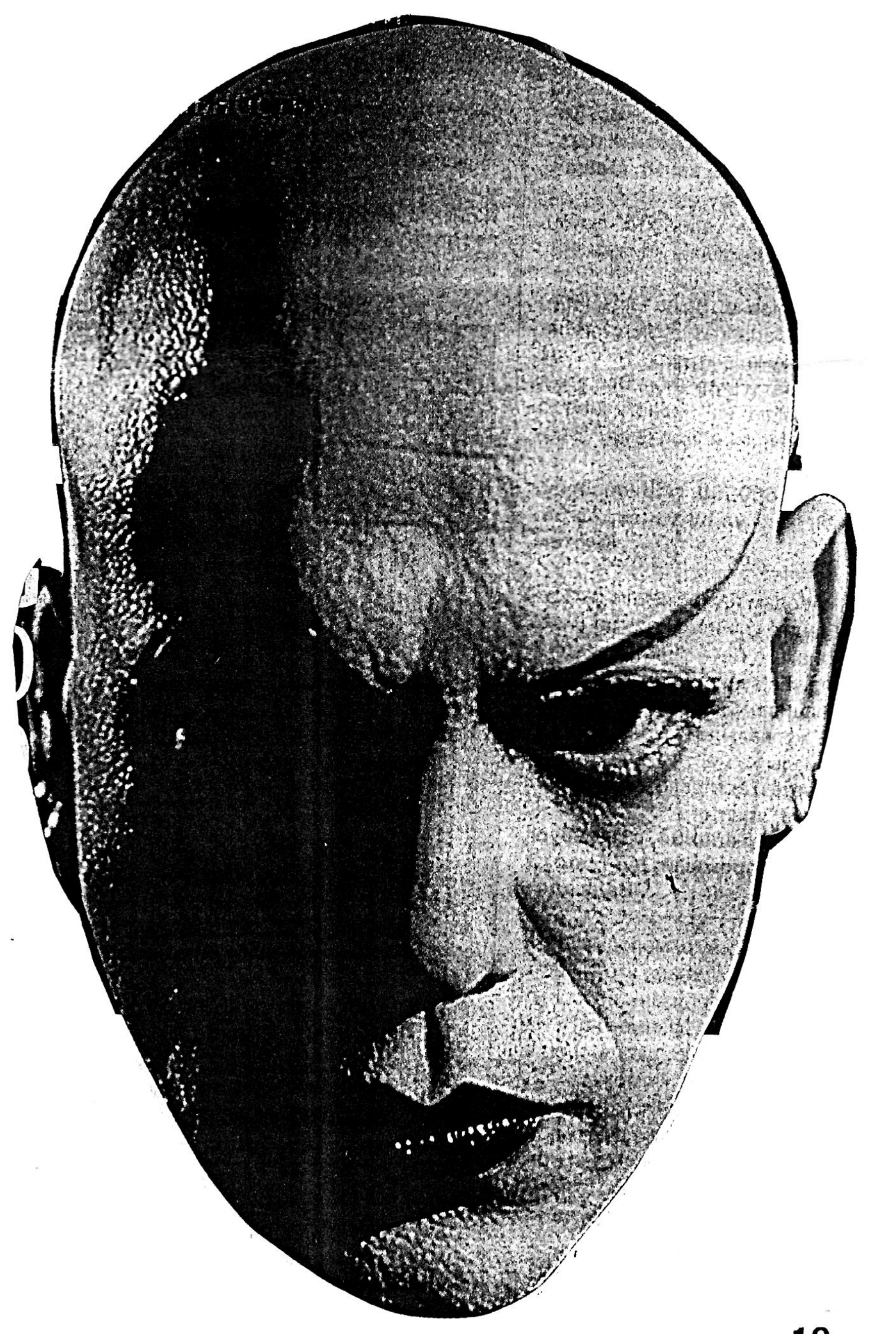
Казалось бы, вещь не очень значимая; но встретить её, особенно - в атмосфере того времени, было нелегко. Впрочем, как и в атмосфере нынешней.

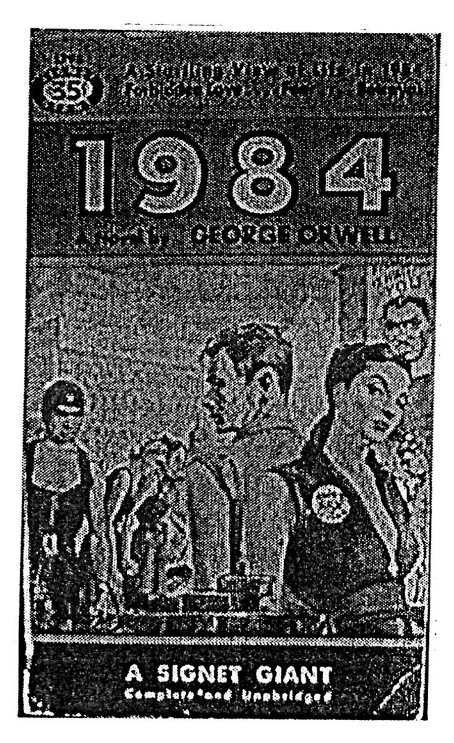
РЕАЛИЗМ: ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

В отличие от большинства коллег/оппонентов по политическим баталиям, Оруэлл принимал ту или иную точку зрения, обычно исходя вовсе не из "идеологии" или "теории". Куда чаще основанием для его филлипик или аналитических прогнозов было пристальное вглядывание в реальную ситуацию - как он её видел. В книгах Оруэлла-писателя можно увидеть это необычайное внимание к подробностям, деталям в описании людей, предметов, действий; мало кто назовет его мастером описывать глубины "мятущейся человеческой души": эту роль играет описание очертаний, полутонов света или особенностей движений персонажей. Ужасающе реалистичные подробности жизни в Океании Оруэлл накапливал на протяжении многих лет: голубые униформы членов Партии, например, легко можно узнать в его восторженном описании революционной Барселоны ("Памяти Каталонии"). Но и не только. Вот отрывок из его рецензии на "Мы" Е.Замятина: "Они живут в стеклянных зданиях (это было написано до изобретения телевидения), что позволяет политической полиции, называющейся "Стражи", легче наблюдать за ними. Все они носят одинаковую форму..." Здесь также узнаваемы и форма, и телекраны. Так, из множества мельчайших подробностей-наблюдений, жизненных и литературных, формировался "1984".

В то же время, посвятив отдельные эссе разным способам заваривания чая, идеальному английскому пабу, анализу еженедельных изданий для школьников или же стоимости книг по сравнению со стоимостью сигарет, он, пожалуй, может быть назван одним из предтеч - пусть и косвенных - культурологии или даже микросоциологии.

Что характерно для Оруэлла-писателя или эссеиста, - может быть сказано и об Оруэлле-публицисте и политике. Когда факты, виденные им в подробностях, противоречили любой, пусть самой прекрасной или гармоничной, теории - тем хуже для теории. Это вовсе не делало Оруэлла оппортунистом. Скорее, помогало выстраивать наиболее действенную тактическую линию в воплощении того, что казалось ему стоящим борьбы, - избегая "втискивания" живых процессов в прокрустово ложе "идеологии". Никакая "теория" или уж, тем более, "линия" не могла оправдать уничтожение революционеров без суда и следствия теми, кто ещё вчера называл себя их "товарищами по борьбе" в Испании. Симпатии - и горячие симпатии - к революции в России и пер-

воначальной, как ему казалось, идее построения "государства рабочих" никоим образом не смогли привить хотя бы сдержанного отношения к советскому строю: он, в конце концов, стал его непримиримым врагом. Сообщения об успехах индустриализации не удержали от упоминания об искусственном, замалчиваемом голоде в Украине. Нежелание сотрудничать с правым правительством не остановило от борьбы (интеллектуальной, разумеется) с пацифистами во время Второй мировой. И так далее.

ТРИ МОМЕНТА

Три момента, которые вполне вмещаются в предыдущий ряд, но о которых хотелось бы сказать особо.

Первый: неоднократно отмечалось, что, при всей своей "интернациональности" и антиимпериалистических настроениях, Оруэлл в чем-то представлял собой квинтэссенцию "английскости". Он глубоко ощущал себя именно *английским* писателем, *англичанином,* и анализировал своё чувство укоренённости в английской культуре - лишь после *признания* этой укоренённости как факта. Отсюда - его произведение "Лев и Единорог", или же строки из эссе "Моя страна - правая или левая", которые могут заставить содрогнуться любого ортодоксального "интернационалиста": в них Оруэлл объединяет (укоренённостью в одном культурном пласте) офицеров британских колониальных войн и англичан, воевавших в международных подразделениях на стороне республиканской Испании. "Именно те, чьё сердце *никогда* не трепетало при виде Юнион Джека [британского флага - Г.], когда наступит момент, отступятся от революции". Сомневаться в интернационализме Оруэлла - дело безнадежное; однако же это был "его собственный" интернационализм, глубоко английский. Оказавшись неспособным - да и не желая - пытаться искоренить национальные чувства, воспринимаемые им как реальность, он предпочитал включить их в контекст социальной революции.

Второй: Оруэлл вовсе не чуждался насилия. Более того, в ряде рецензий, да и в очерке, непосредственно посвящённом Ганди, он - как "бывший чиновник британской колониальной администрации в Индиях" - денонсирует стратегическое ненасилие как средство, ставшее целью и пользуемое колонизаторами. И тем не менее, анализируя возможности революции, или радикального изменения социальной системы в Англии, Оруэлл подчёркивает, что именно в этой стране за последние десятилетия люди умудрились стремиться к социальным преобразованиям, "не убивая друг друга".

Анализируя же пропаганду британской Компартии, он делает настолько же нетрадиционный, насколько и реалистичный вывод: пропаганда, направленная, прежде всего, против высшего *и среднего* класса, нежизнеспособна в обществе, где "средний класс" (будем помнить, что английское общество, кроме того, что наиболее классово разделённое из западных, имеет собственную систему классовой дифференциации) занимает всё больше места - а стремление стать частью среднего класса воспринимается как естественное. В связи с чем ставится вопрос: как инкорпорировать "новый" британский "средний класс" в революционное движение? Вопрос - следствие "реализма по-оруэлловски" - нерешённый, а часто - и оставленный за бортом, по сей день.

И третий. На этот раз речь о том, к чему могут привести нарушения резкости и контраста в личном восприятии реальности. Речь о случае, когда Оруэлл предоставил департаменту пропаганды внутренней службы безопасности - MI-5 - список людей, которых он подозревал в прокоммунистических симпатиях, чтобы они не привлекались к разработке пропагандистской "информационной политики". Обнародование документов несколько лет назад привело к большому шуму, множеству критических статей, хотя сущность происшедшего была достаточно понятна: кроме личного отношения автора списка к той, через кого он его передал, - речь шла о приоритетах и страхах. Уже смертельно больной Оруэлл к тому времени принял, что - несмотря на его убеждения - борьба в мире идёт между западной "демократией" и советским "тоталитаризмом". Понимая, что, при всех неоднозначностях, ограниченная западная "демократия" (а на её ограниченности он настаивал не раз) оставляет больше свободы мысли, чем восточная "диктатура", - он выбрал основного врага, и старался проинформировать о том, кого, по его мнению, в этой "холодной войне" привлекать к борьбе не следует. Не более. Даже хотя это и не было "доносом", как писали потом - вряд ли можно судить Оруэлла в том положении, в каком он оказался. Однако такой тип "сотрудничества" - лично не по мне. Хотя бы потому, что является случаем доминирования "фактов" до такой меры, что исчезает всякий "общий принципиальный подход". Что служит напоминанием банального - "всё хорошо в меру".

ПИСАТЕЛЬ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ

Оруэлл не раз указывал, что он "не был рождён" для политической деятельности, жарких дискуссий или идейной борьбы. Чего сто́ит хотя бы стих, который он приводит в конце своего "Почему я пишу", где говорится: "I wasn't born for an age like this; Was Smith? Was Jones? Were you?" (под руками нет русского перевода; что-то вроде: "Я был рождён не для таких времен; А Смит? А Джонс? А ты?"). Однако во все политические дискуссии, в которых он участвовал, Оруэлл вкладывал весь жар убеждений и весь полемический талант. Иногда даже извиняясь позже - как после заочной дискуссии с вышеупомянутым анархис-

том Вудкоком, с которым именно после этой переписки они стали друзьями: "Боюсь, я ответил достаточно резко во время последней дискуссии [...]; я всегда поступаю так, когда на меня нападают, - и всё же, надеюсь, это не оставило осадка ни у одной из сторон". Но потому ли Оруэлл поступал так, что защищал свои идеи, пусть временами и мало кем разделённые? Как мне кажется - не только. Потому ли, что хотел защитить себя лично и свою репутацию? Да - и нет.

В его отдельном случае очень сложно отделить одно от другого, личное - от "идейного". Прежде всего потому, что он каким-то образом умудрялся большинство своих, даже самых спорных идей, пытаться опробовать на практике. Если он - ещё Эрик Блэр в то время - хотел описать быт бродяг, - он становился бродягой; а чтобы описать тюрьму, он пытался напиться до бессознательности и попасться на глаза полицейским. Если речь о чём-то совсем ином, как-то - о наступлении фашизма в Испании, - он отправился туда корреспондентом, чтобы, оказавшись на испанской территории, сразу вступить в ополчение. Если речь о борьбе с фашизмом уже немецким, во время Второй мировой, - он пытался попасть на фронт; а когда прошлое ранение и "неблагонадёжная" биография "левака-интернационалиста" не позволили сделать это - Оруэлл со всем энтузиазмом принялся за дело во Внутренней Гвардии (добровольческих подразделениях, созданных правительством для защиты британской территории от возможного вторжения). Более того - он тут же попытался разъяснить возможные радикализующие последствия вооружения рабочих, участвующих в этих подразделениях. А параллельно - написал редактору одной из газет письмо, в котором, основываясь на собственном испанском опыте, советовал, чем лучше вооружить население, и какую тактику уличных боёв использовать в случае вторжения захватчиков.

Я ни разу не встречал в произведениях Оруэлла - будь то преимущественно публицистических или художественных, - термина "прямое действие". Однако к самому Оруэллу он применим как нельзя лучше: где в том, что казалось важным, можно было принять участие, - это происходило незамедлительно. Это не всегда было коллективным или радикальным "прямым действием" - но Оруэлла очень трудно обвинить в пустой пропаганде: он всегда, в первую очередь, лично пытался воплотить в жизнь то, что пропагандировал. Кроме "личного реализма" и "личного интернационализма", Джорджу Оруэллу можно приписать "личное прямое действие". И выражалось оно не только в том, что он делал, когда считал нужным, - а и в том, что принципиально *отказывался* делать, когда считал это недопустимым.

ЛИЧНОЕ

Может показаться, что все эти строки были написаны лишь для прославления писателя и политика Джорджа Оруэлла. Это не так. Положа руку на сердце, я даже не мог бы сказать, что считаю его образцом для подражания в любом смысле - будь то идейном, стилистическом, политическом или, тем более, личном. Уж слишком сложным и неоднозначным человеком он был, да и речь не об образцах вовсе. Хотя в то время, когда в сознании многих (кроме, обычно, узких кругов преданных приверженцев) большинство статуй революционных лидеров и идеологов покрывается либо плесенью, либо трещинами - образ Оруэлла остаётся таким же живым, противоречивым, критикуемым и - при этом - уважаемым с разных сторон, как и до того.

Но речь даже не об этом, - а о том, что отмеченные характерные особенности в наше время могут быть очень кстати тем, кто пытается построить собственную, личную политическую борьбу - уже вне контекста борьбы двух систем, без "классиков" и с достаточно размытым представлением о "современниках", с не всегда приспособленным методологическим аппаратом и запутанностью в целях и средствах.

Как ни парадоксально, - похоже, именно в этом контексте Джордж Оруэлл, несмотря на противоречивость, "сугубо-индивидуальность" и укоренённость в "горячих" и "холодных" войнах, звучит уместнее и своевременнее, чем когда бы то ни было ранее.

Гастон

Спасибо Марал за предоставление случайных чисел, ставших основой для выбора части текстов

воля
международная анархическая газета
номер 22, ноябрь 2004
http://volja.nm.ru
пишите письма:
volja@nm.ru
obschtschina@pisem.net или:
117208, россия, москва, м-208, а/я 80, тупикину владлену александровичу
address: vladlen tupikin, p.o. box 80, m-208, moscow, 117208, russia

ПИСАРЕВ И ДРУГИЕ

Вечно молодой Писарев утонул в 27 лет в 1868 году. Он оставил после себя много томов литературной критики, публицистики, философии, с прочтением которых связано не меньше разногласий, чем вызванных его статьями ещё прижизненных споров. То ли он был народником, то ли индивидуалистом, то ли вообще скептиком. В нём видят отрицателя искусства и блестящего стилиста; революционера, просветителя и чуть ли не левого либерала. Добавлю от себя, что отрицать революционность Дмитрия Ивановича кажется всё же очень трудным. «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» - каков либеральный просветитель, ась? Знали императорские копы, за что держали его в Петропавловской крепости четыре с лишним года. Писарев не был «невинно пострадавшим»; он мог гордиться тем, что сидел «за дело».

Разнообразие же трактовок произошло от того, что прошёлся Писарев по всем, по кому только можно. Не было ему равных в ниспровержении авторитетов – правых, левых и центристских. Будучи ориентированным на западную науку, он однако в статье «Бедная русская мысль» подверг разгрому сомнительную славу Петра I – традиционного кумира всех западников.

Статьи Писарева о Пушкине – поныне красная тряпка для всех культуропоклонников, стыдливо закрывающих глаза на откровенное прислужничество этого поэта перед властью.

Статья «Наша университетская наука», думается, актуальна и поныне: здесь был открыт огонь по всем основам государственного, иерархического образования – не только российского и не только университетского.

...Живой иллюстрацией к никчёмности этого самого официального образования был соратник Писарева по журналу «Русское Слово» (1861-1866) - Варфоломей Зайцев. Один из образованнейших людей своего времени, так и не окончивший даже гимназии. Знаток европейских языков. Переводчик объёмистых трудов по истории разных революций – нидерландской, французской и других. Ниспровергатель Лермонтова, погрязшего в дворянской рефлексии и ничего для революций не сделавшего... Своего сотоварища по изданию Зайцев пережил. Впереди его ждали эмиграция, 1-й Интернационал, сотрудничество с Бакуниным, работа над статьёй с красноречивым названием «О пользе цареубийства» и в конце – смерть в нищете.

Ещё один публицист «Русского Слова», Николай Соколов, был выходцем из военного училища. А надо вам знать, что военные училища того времени на редкость располагали к анархизму – видимо, удачным сочетанием неглупого контингента учащихся с полной преподавательской тупостью. И вот Николай Соколов пишет книгу «Социальная революция»; книгу «Отщепенцы» (видимо, в соавторстве с Зайцевым); популяризирует Прудона. Соколову палец в рот не клади. Как-то позже в швейцарской эмиграции он в день выборов набухался в дымину, пришёл на избирательный участок и давай объяснять богатым швейцарским мужикам, обладающим избирательным правом, что государство – говно, и выборы – тоже. Те ему чего-то не поверили. Ну что с ними делать? Стал Соколов ногами хуячить урны для бюллетеней и их переворачивать. Подрался там со сторонниками либерального подхода. Долго потом с фингалами ходил.

...Когда ещё был на свете легальный журнал «Русское Слово», эти трое – Писарев, Зайцев и Соколов – хотели его реорганизовать и сделать из журнала прудонистский кооператив. Не вышло, правда. Почему не вышло? У них был главный редактор, вроде такой тоже свой, красный и пушистый. Но как он услыхал про коллегиальную редакцию, и что главного больше не будет, сразу весь побелел и упёрся.

...Читайте, люди, Писарева. «Прикосновения критики боится только то, что гнило... что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».

Александр МАЛИНОВСКИЙ

ДЕЛО ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

ФАКТ

13 июля 1877 петербургский градоначальник Трепов приказал высечь в доме предварительного заключения политического заключенного Боголюбова за то, что тот не снял перед Треповым шапки. Боголюбова секли перед всей тюрьмой. Через год после этого он умер в госпитале центральной тюрьмы в Ново-Белгороде в состоянии полного помешательства. А 24 января 1878 г. Вера Засулич совершила покушение на градоначальника Трепова в знак протеста над глумлением в тюрьмах и как акт мести за изнасилованную честь человека, которого позорно сечь розгами. 31 марта того же года присяжные заседатели вынесли оправдательный приговор. Это был первый и единственный прецедент победы общественного суда присяжных над произволом властей в России, когда обвиняемого оправдали за покушение на убийство.

ПОСТФАКТ

Революция, революционеры и все, связанные с этим слова, вызывают лишь одну ассоциацию. Россия, 17 год. Кровь, смерть, террор. Так же, как в обывательском сознании "анархия" созвучна хаосу. Но правда заключается в том, что забываются исходные значения слов, ловкими руками стираются из памяти истории ненужные факты, неподходящие люди. И потом уж и "революция", и "революционеры" воспринимаются лишь как фанатики или убийцы, или просто как неудачники, отдавшие свою жизнь непонятно чему и непонятно зачем.

Но если заглянуть под покров вылизанной истории, то за словами, несущими свой подчищенный смысл, скрываются люди. Такие, например, как Вера Засулич.

В истории ей выпала вечная роль "первой русской террористки". На фоне оголтелой борьбы с мировым терроризмом это её амплуа не кажется завидным.

Но её путь - это, как ни банально, путь проб и ошибок, когда только лишь отдав всю жизнь своему делу, можно расставить акценты над плохими или хорошими поступками. Потому как всё - относительно.

Мне интересна Вера Засулич и потому, что она - женщина. Но её сложно обвинить в нереализованной личной жизни, как это часто любят делать по отношению к политически активным женщинам.

Да, однажды она, способная порождать жизнь, вынашивала смерть. Но это было то время, когда огромные потери в Русско-Турецкой войне ожесточили народ. Когда газеты пестрили сообщениями о крупных процессах над революционерами, а подробности тюремной жизни, суровых приговоров и жестокого обращения с заключёнными просачивались сквозь засекреченные информационные толщи власти. Это было тогда, когда слово "розги" давно ушло в прошлое и уже не воспринималось никак иначе, кроме как надругательство. Это было то время, когда политически активное население страны разочаровалось в пропагандистской деятельности и решило, что в условиях реакции и задавленности малограмотного народа необходимы более жёсткие средства борьбы. А Вера, начиная свою деятельность в рядах народовольцев, была частью всех этих процессов и переживаний. Поэтому тот её выстрел был для неё закономерен и единственно необходим.

Но интересно и то, каким поворотным моментом стал этот выстрел и для самой Веры, и для всего революционного движения России, и даже для романтически настроенных гимназисток, и даже для одного влюблённого юноши.

Гимназисткам Вера дала корм для романтических мечтаний и повод для написания любовной лирики (ведь многие утверждали, что она была любовницей Боголюбова и потому стреляла из мести за любимого). На самом деле они не были даже знакомы.

Юноша же, как утверждают историки, застрелился в порыве чувств, когда Веру освободили из тюрьмы.

Сама Вера, боясь новых преследований, уехала за границу. В Женеве она продолжала заниматься активной политической деятельностью как автор статей, журналистка и пропагандистка. И, несмотря на то, что её пример удавшегося террористического акта вызвал широкую волну терроризма в России, сама с тех пор стала активной противницей террора как метода политической борьбы. Она писала в своих статьях, что террор не только не приносит желаемых результатов, но и ужесточает давление властей, выбивает из рядов лучших революционеров, уносит из жизни слишком много людей. Сама воспользовавшись насилием как средством для достижения цели, Вера пришла к выводу, что главным фактором в революции служит участие в ней просвещённых и образованных народных масс и что условия для революций создаёт история, а не кучка террористов. Всё это Вера поняла со временем, но то, что её выстрел положил начало новой волне революционной деятельности, она изменить уже не могла.

Мне трудно ею не восхищаться, трудно её осуждать. Понять можно, но почувствовать за сухими датами революционного восхождения и падения её душу почти невозможно. Но уже в двадцатом веке известный французский писатель Альбер Камю писал, что "терроризм в России родился после выстрела Веры Засулич, а её оправданием присяжные фактически дали людям право отвечать насилием на насилие".

Как бы то ни было, но опыт Веры Засулич, она сама - современна, маятник времени вновь повторяет своё движение, но уже в другом столетии.

Оксана ЛИФЕР

мы не можем сделать революцию

мы можем только быть революцией